ВЛАДИМИР КОРЕШКОВ
СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ
ИЛИ
ГАУПТМАН С ОЛЕРОНА
II

Владимир Корешков

Свой среди чужих, или Гауптман с Олерона. Часть вторая

«Издательские решения»

Корешков В. Г.

Свой среди чужих, или Гауптман с Олерона. Часть вторая / В. Г. Корешков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903377-2

Твой жребий брошен. На войне у каждого свой путь и своя судьба. Твоя фамилия попадает в гигантский дьявольский барабан, наподобие того, в котором разыгрывают лотерею. Раскручивает его сама старуха смерть. Она запуская свою костлявую руку, вытаскивает бумажку с твоим именем. Эта старуха никогда не проигрывает, в жуткой лотерее у нее постоянный фарт. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903377-2

© Корешков В. Г.
© Издательские решения

Свой среди чужих, или Гауптман с Олерона Часть вторая

Владимир Германович Корешков

© Владимир Германович Корешков, 2019

ISBN 978-5-4490-3377-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После того как ушел дядя Роланд, ой, простите, обергруппенфюрер, а по совместительству борец сопротивления, причем, я так понимаю, играющий в сопротивлении далеко не самую последнюю роль человек, от которого очень много что зависит и чьи приказы для многих должны никоим образом не обсуждаться, а выполняться беспрекословно и безоговорочно. Я крепко задумался. Моя жизнь опять делает новый виток. Удивительно, но я как будто каждый раз заново крест-накрест перечеркиваю свою бывшую жизнь, начиная с нового листа, оставляя все, что у меня было хорошего и плохого, в прошлом, и делаю новый шаг в неизвестность. Дядя Роланд позвонил мне сегодня с утра, его голограмма появилась ровно тогда, когда я разбивал второе яйцо на скворчащую от уже хорошо прожаренного бекона сковородку, готовя себе нехитрый холостяцкий завтрак – яичница с беконом и тостами.

– Что-то поздно ты завтракаешь, – вместо приветствия строго сказал дядя Роланд.

В черном эсэсовском мундире, перетянутый кожаными ремнями. Вид у него, как всегда, был грозный, а с другой стороны, как еще должен выглядеть генерал СД, обличенный почти неограниченной властью. Сразу захотелось вытянуться по стойке смирно и щелкнуть каблуками. Что я, в общем-то, и сделал – привычка, мать ее, выработанная за время службы, что тут скажешь. Правда, в трусах, майке и в домашних тапочках наверняка со стороны это выглядело более чем комично и нелепо. Но дядя Роланд даже не улыбнулся. Вместо этого опять очень сурово посмотрел на меня и спросил:

– Яр, сынок, то, о чем мы с тобой вчера говорили… Ты готов?

Я чуть не сказал: «Так точно, мой группенфюрер». Но в последней момент сдержался и просто ответил:

– Да, очень жду сегодняшней нашей встречи.

– Хорошо, значит, буду у тебя в четырнадцать тридцать. Жди.

И отключился. Я слегка вошел в ступор от столь раннего визита, но вовремя спохватился – яичница не успела сгореть. Позавтракал я быстро, хотя спешить было некуда, проглатывая большие куски, совсем не ощущая вкуса еды. После завтрака я бесцельно слонялся по квартире в ожидании означенной встречи, никак не мог найти себе хоть какое-то занятие, чтобы убить время. Мысленно пытаясь все время подогнать это самое время, но от этого оно как назло становилось еще более медленным, тягучим, и стрелка хронометра совсем не двигалась с места. Наконец долгожданный звонок в дверь. На пороге стоял дядя Роланд.

– Я надеюсь, ты один? – поинтересовался он.

– Так точно, – бодро ответил я.

Он отодвинул меня в сторону, прошел в коридор, притворил за собой дверь, снял фуражку, повесил ее на вешалку, провел ладонью по короткому седому ежику. Далее достал из кармана галифе небольшую серебристую коробочку, прошелся с ней по всем комнатам, даже в туалет заглянул, отключил все электроприборы, затем открыл электрощиток, щелкнул центральным переключателем, тем самым отрубив во всей квартире свет.

– Давай сюда свой индивидуальный голографон, – тоном, не терпящим возражений, потребовал он.

Я протянул ему свою трубку. Он деловито отключил ее, после чего распотрошил самым варварским способом. Затем присел на диван, положив свою коробочку на журнальный столик, жестом показал мне, мол, присаживайся в кресло напротив меня. На мой немой удивленный взгляд-вопрос коротко ответил:

– Жучков у тебя дома нет, а если нас вдруг кто-то попытается подслушать, то этот аппаратик заглушит все сканеры в радиусе пяти метров, – кивнул он на свою серебристую коробочку, уютно расположившуюся у меня на столе.

– Может быть, чаю? – пытаясь быть гостеприимным, неуверенно спросил я, хотя какой на фиг чай, если все электроприборы отрублены. Водичку не вскипятишь.

– Нет, Яр, спасибо. У меня очень мало времени. Чаи распивать будем в другой раз. Сейчас о деле. Первое, если вдруг кто-то будет интересоваться, я пришел к тебе как близкий друг твоей семьи и мы все время трепались о твоей службе на Олероне, здесь особо выдумывать нечего, потому что я про тебя почти все знаю, поэтому, если что, разночтений, о чем велась наша беседа, у нас с тобой не будет. Второе, ты вчера не пил?

– Нет, дядя Роланд, хотя, если честно, желание было.

– Ну это понятно. Что ты решил?

– Я буду продолжать дело родителей.

– Ты уверен? – он вперился в меня тяжеленным взглядом.

– Да, уверен.

– Предупреждаю, это тяжелый, адский и крайне опасный труд. Причем ты в любую минуту можешь быть разоблачен, схвачен и приговорен к смерти.

– Я сделал свой выбор и определил свой путь, сворачивать с него я не собираюсь, – очень четко, по слогам произнес я.

Получилось немного высокопарно и пафосно. Но я действительно за вчерашний день и прошедшую ночь много думал, времени было более чем достаточно, и все для себя окончательно решил.

– Что я должен делать и чем заниматься?

– Хм… что делать и чем заниматься, – как эхо, задумчиво повторил за мной дядя Роланд.

Опять знакомый жест: провел рукой по волосам.

– Все не так просто, чтобы с наскоку ответить на твой вопрос. Заниматься тебе, Яр, придется очень, очень многим – от разведки и собирания секретной информации и материала до вербовки, а иногда и физическим устранением отдельных лиц. В общем, работенка будет непростая, требующая определенных навыков и знаний. А значит, тебе придется кое-чему подучиться.

– Не понял.

– Что тут непонятного? Да, согласен, ты – опытный воин, много повидавший на своем веку и побывавший в самом пекле, но в нашем непростом ремесле подпольщика ты еще юнец желторотый. Поэтому все-таки в начале придется учиться, учиться и еще раз учиться.

– Это что, школа или колледж какой-то? – ядовито заметил я.

– Ты зря ерничаешь, сынок. Становясь подпольщиком, ты обрекаешь на постоянную опасность не только себя, но еще и многих других прекрасных людей, с которыми ты будешь связан. От того, как вовремя ты почувствуешь за собой слежку, от твоих возможностей уйти от слежки, от твоих навыков конспирации и умения молниеносно реагировать и принимать правильные решения в любой непредвиденной ситуации зависит не только твоя, но и их жизнь, и тебе это надо четко понимать и постоянно об этом помнить. Еще раз повторяю, любая, даже самая малая оплошность с твоей стороны может привести к очень катастрофическим последствиям. Поэтому слушай меня внимательно и запоминай, ты отправляешься на месяц на Оле-

рон в секретную разведшколу, где подготавливают агентуру для последующей заброски в Рейх, для борьбы с действующим режимом. Школа действует на стороне повстанцев, в их глубоком тылу.

Я вскинул брови.

– Не перебивай. Летишь ты туда инкогнито. Через лунную базу СТК 3. На Луне тебе придется лечь на операционный стол и сделать легкую операцию: из тебя вытащат твой идентификационный чип и вместо него поставят чип другого человека, он очень похож на тебя, почти как брат-близнец, то есть ты поменяешь личность. Это не насовсем, лишь на время, – предупредил он мой вопрос. – Твой чип будет тебя дожидаться на Луне, пока ты отсутствуешь. Сделано это будет для того, чтобы даже случайно, мало ли что может случиться, никто не догадался, что Яр Ковалефф отсутствует в Рейхе.

– А мой чип вставят ему? – предположил я.

– Нет, – поморщился дядя Роланд.

– А как же этот парень будет жить без идентификационного чипа?

– Этого парня на свете больше нет. Он умер – несчастный случай. Слава богу, этот парень оставил очень много своих воспоминаний и переживаний на коррале памяти, так что тебе всю эту информацию сольют в твою черепную коробку для полного, так сказать, твоего перевоплощения и вхождения в его личность. Далее с Луны тебя подхватит звездолет контрабандистов, который доставляет грузы на Олерон повстанцам в обход эмбарго.

– В обход эмбарго? Как это возможно? – не выдержав, поинтересовался я.

Дядя Роланд посмотрел на меня как на несмышленыша, тяжело вздохнул и принялся мне, как первокласснику, объяснять.

– Видишь ли, на Олероне уж очень много полезных ископаемых, некоторые абсолютно незаменимы в различных отраслях, и многие земные корпорации очень остро в них нуждаются, без них просто жить не могут. Поэтому некоторые особенно шустрые корпорации организовали мощный теневой бизнес, они получают полезные ископаемые от повстанцев, а взамен поставляют им новейшие виды вооружения, медицинское оборудование, медикаменты, ну и так далее по списку. Всем выгодно.

– А как же боевое патрулирование Олерона звездолетами Рейха?

– Звездолеты Рейха, блокирующие Олерон, давно на приличной подкормке у корпораций. Каждому командиру звездолета, уйдя в отставку, хочется иметь хороший домик и безбедную старость, чтобы было на что побаловать внуков, поэтому они за очень щедрое вознаграждение на все закрывают глаза. Ничего не видим, ничего не слышим, и все – коррупция называется, слышал такое слово?

Я молча кивнул.

– Ну вот. Пойдем дальше, я думаю, ты человек взрослый и очень хорошо понимаешь, о том, что ты служил в звездной пехоте, в разведшколе распространяться не стоит ни в коем случае, ни одна живая душа там даже догадываться об этом не должна. На время о своем прошлом придется забыть. Преподаватели в основном местные – олеронцы, имеющие боевой опыт. Звездпехов, даже бывших, по вполне понятным причинам не жалуют. Они не должны знать, кого обучают. Отчасти еще и поэтому тебе дается новая личность и чужая память.

– А дальше? – спросил я.

– Дальше ты возвращаешься через месяц на Луну и вновь становишься Яром Ковалеффом, звездным пилотом и героем Рейха, и получаешь свое первое задание.

– От вас? Какое задание? – задал я сразу два вопроса.

– Не от меня. Дальше мы с тобой будем видеться крайне редко, у тебя будет связной, через которого подполье будет держать связь с тобой, а ты с подпольем. Дальнейшие указания и инструкции ты получишь от него после возвращения.

– Я буду отсутствовать целый месяц?

– Чуть больше, – подсказал дядя Роланд.

– Ну хорошо, чуть больше месяца – неужели меня не хватятся?

– Нет, поскольку по легенде ты будешь находиться на Луне на лечении в клинике, лечишь посттравматический синдром – чуть-чуть нервишки стали пошаливать после фронта, а там в лунной клинике первоклассные врачи. Суонновые ванны и другие обязательные профилактические процедуры просто творят чудеса. Твое руководство проинформировано, Рейху нужны здоровые пилоты. Твоя больничная карта с диагнозом и направлением от психотерапевта на лечение завтра будет готова, поэтому уже послезавтра ты рейсом ЛС 17 в двенадцать сорок пять, чартерными космолиниями «Люфтганза» из космопорта «Рига» вылетаешь на Луну. Билет на твое имя сегодня будет заказан. Вещей много не бери, все равно там получишь все новое. Да, Яр, все забываю тебя спросить, как ты умудрился сойтись с Кейшей Суареш и насколько близкие и серьезные у вас отношения.

– Да какие там отношения, так спим иногда. Ничего серьезного.

– Да-а-а?.. – насмешливо протянул дядя Роланд. – А я слышал, у вас свадьба намечается. Или врут люди?

– Ей бы так хотелось, – буркнул я.

– А тебе? – он очень пристально посмотрел на меня.

– Дядя Роланд, о чем вы говорите. Мне нужен был секс, и все.

– И все? – спросил меня дядя.

– И все, – отрезал я.

– Ну хорошо, пусть так, но предупреждаю тебя, в будущем будь с ней аккуратен, эта особа крайне коварна и очень опасна, если ей надо будет, ради карьеры пойдет по головам – сучка еще та!

– Уж мне ли это не знать, – сказал я.

– Хотя кто его знает, – он почесал подбородок в задумчивости. – Возможно, в будущем этот твой адюльтерчик нам еще пригодится для дела, так что, наверное, какую-то связь тебе все-таки с ней надо будет поддерживать – ты ей напиши что-нибудь ласковое и нежное.

Последняя мысль, озвученная дядей Роландом, мне ни хрена не понравилась. Я только зажил спокойно без Кейши, как оказывается, мне надо будет поддерживать теплые и нежные отношения с этой женщиной-акулой. Кто-нибудь поддерживал нежные отношения с акулой. Нет? И я тоже не хочу, потому что если кто-то и поддерживал теплые отношения, то рассказать нам об этом они уже никак не смогут, потому что эти кто-то были беспощадно сожраны свирепой хищницей. А из ее ненасытного брюха, щедро сдобренного ее же желудочным соком, не расскажешь о своих нежных отношениях с акулой, интервью не дашь, мемуаров не напишешь.

Вообще-то, если честно, то не только это мне ни хрена не понравилось, но и многое другое. Например то, что в меня закинут память другого умершего человека. Что у него там в мозгу было, одному богу известно, а может, он извращенец какой-то – эксгибиционист или зоофил. Правда говорят, память потом можно будет стереть. Но мне очень не нравится, что ребятишки в белых халатах, именующие себя врачами, будут ковыряться в моей башке, как у себя в серванте. Не то чтобы мне было до усрачки страшно, но, скажем так, опасения присутствуют. Я с детства им не доверяю. Можно сказать, у меня с ними терки.

Врачи почему-то всегда для меня были стойкими последователями Харона – этот тип, по версии древних греков, был лодочником и перевозил через реку Стикс души умерших в Аид, то бишь в подземное царство мертвых. Вот и врачи, мне кажется, с шутками, с прибаутками и с огромным усердием, и с превеликим старанием, даже если больной сопротивляется, упирается изо всех сил, потому что еще хочет пожить, побыстрее стараются отправить его в царство мертвых, да и дело с концом. Потом, стряхнув руки, вытерев со лба пот, берутся

за следующего пациента, как в том анекдоте, когда собрался консилиум врачей, и один из светил спрашивает своих коллег: «Ну что, будем бабушку лечить, или пусть еще поживет?»

Конечно, кто-то может мне возразить: «Что вы такое говорите, эти люди в белых халатах давали клятву Гиппократа спасать нас». Хорошо, я вам отвечу: «Кто такой Гиппократ – друг ваш или близкий родственник, сват, брат ну или хотя бы троюродная сестра по материнской линии? Я лично с Гиппократом не знаком, мы, к сожалению, не были представлены друг другу. Может, он пацанчик и не плохой, и правильный. Возможно. Наверняка клятва, написанная им, тоже хорошая и слова там верные. Но вот его последователи… о них разговор особый.

Вот на все сто уверен, когда они после окончания медицинского института в торжественной обстановке под звуки фанфар патетическим голосом произносили слова заученной накануне после очередной попойки клятвы Гиппократа, умиляя тем самым всех присутствующих на этом шабаше и заставляя их от души прослезиться, эти будущие эскулапы и коновалы, больше похожие по образу и подобию своему на сподвижников небезызвестного Маркиза де Сада, нежели на сердобольных, благообразных лекарей, держали фигу в кармане и думали в этот момент не о том, как спасти будущего больного, а том, как бы из него вытрясти побольше бабла». Так что извините. Ну не доверяю я им.

Завидев на моем челе тень сомнений и переживаний, дядя Роланд поинтересовался:

– В чем дело, сынок? О чем задумался? Что тебя гложет?

Я как мог разъяснил ему свои опасения. Наверное, первый раз я видел, как смеется генерал СД от души, до слез, почти как обычный человек. Даже не представлял, что у дяди Роланда присутствуют какие-то человеческие эмоции. Для меня он всю жизнь был этакая монолитная каменная скала. Глыба. А тут оказалось, что каменная скала тоже может смеяться. Вдоволь навеселившись и вытерев проступившие слезы кулаком, он опять стал серьезным.

– Ну и повеселил ты меня, Яр.

– Нет, я, конечно, рад, что вы рады, но мне почему-то ни фига не весело. А без этого всего никак нельзя?

– Никак, Яр. И дальше тебе часто придется заниматься тем, что тебе совсем не нравится и даже претит твоему естеству, я предупреждал тебя, что это тяжелый каторжный труд. Единственное, чем можешь себя утешить, делать ты все это будешь не для себя, но для людей.

– Да понимаю я все.

– Ну, раз понимаешь – молодец! Вопросы.

– Пока нет.

– Тогда продолжим, запоминай: в космопорту на лунной базе после прохождения таможни тебя встретят. Вот фото этого человека, – он протянул мне фотографию, с которой на меня смотрел какой-то хмурый субъект, с совершенно не запоминающейся внешностью. Темные волосы, прямой нос, серые глаза – такие по городу толпами бродят. – Вот этот парень представится санитаром клиники СОМНО Петером Холечеком и спросит тебя: «Как давно вам поставили диагноз?», ты ответишь: «Еще зимой». Он спросит: «Диагноз установила профессор Янсоне?», ты ответишь: «Нет, это был профессор Шварке» – эти фразы будут паролем. Он тебя проводит в клинику, позже посадит на корабль контрабандистов. Ты можешь полностью положиться на него, если только он произнесет пароль, если же нет, значит, что-то пошло не так и тебе придется немного полежать в стационаре, до решения твоего вопроса. Операцию до и после разведшколы тебе будет делать завотделением Богуслав Пекстис, он тоже немного в курсе происходящего.

Дядя Роланд еще минут двадцать описывал мне последовательность всех моих шагов и действий в клинике, на звездолете, а затем на Олероне в разведшколе.

– Ну и самое главное, Яр, – подытожил дядя Роланд. – Рано или поздно к тебе подойдет человек, протянет вот такую зеленую пуговицу и скажет: «Мне кажется, вы очень небрежны. Это ведь вы обронили?» Ты достанешь свою пуговицу, покажешь ему и ответишь: «Вы

не правы все, свое я всегда ношу с собой». Это будет твой личный связной с подпольем, все его указания надо исполнять, потому что он – это рупор подполья. Забери себе эту пуговицу и смотри не потеряй, – сказал дядя Роланд.

Я взял из его открытой ладони пуговицу в руки: тяжелая, большая, диаметром примерно как пятимарковая монета. Блестящая, зеленого цвета, с выпуклым витиеватым серебряным узором.

– Ну, наверное, пока все, мне не звони, дальше тебе по большей части придется полагаться на себя. Я хоть издали, но все равно буду за тобой приглядывать и по возможности подстраховывать.

– Спасибо, – сказал я.

Дядя Роланд испытывающе посмотрел на меня:

– Нет, Яр, не надо меня благодарить. Я тебя не в парк аттракционов пригласил. Твои бы родители не обрадовались бы, а еще мне и по шапке надавали, если бы узнали, во что я тебя втянул. Просто наступает время, и перед каждым человеком обязательно встает выбор: либо ты что-то делаешь во благо других, либо просто коптишь небо до самой смерти, как тот пескарь, который всю жизнь боялся выбраться из-под камушка, предпочитая ни во что не вмешиваться, наблюдая со стороны, какой в его пруду творится беспредел, переживая исключительно за свою шкуру. По ночам мечтая о том, что, возможно, кто-то придет и поменяет все в один миг, сделает этот мир лучше и справедливей. Так вот мы с тобой и многие другие, что рискуют своим благополучием и жизнью, и есть эти кто-то. Ладно, Яр, мне пора, держи краба, – дядя Роланд встал и протянул мне ладонь. – Удачи тебе, и береги себя.

– Спасибо, дядя Роланд! Не сомневайтесь, все будет хорошо и, честное слово, я вас не опозорю, – крепко пожал я ему руку.

– Я не сомневаюсь, – сказал он, надевая фуражку. – Все пока.

Дверь за ним закрылась, оставляя мне вопросов больше, чем ответов. Но с другой стороны, как он говорил, надо успокоиться и все вопросы решать по мере их поступления. Я взглянул на мой разобранный голографон, валяющийся на столе.

– Ну-с, парень, с тебя и начнем.

Оказывается, разбирать голографон гораздо легче, чем собирать его. Кто бы знал. «Спасибо, дядя Роланд, чувствую, и в будущем ты меня без работы не оставишь». Чертыхаясь и матерясь, я через полчаса собрал его, но, как всегда, оказалось, что одна малюсенькая деталька, совсем кроха, оказалась лишней, валяясь на моем столе, она, глядя мне в лицо, нагло и ехидно ухмылялась – вот же сука. Поэтому я снова разобрал голографон и, уже окончательно озверевая, теряя последние остатки терпения, наконец собрал этот чертов прибор. Включил. Вроде работает. Я с уважением посмотрел на себя в зеркало. Сейчас я себя почувствовал почти что Кулибиным, собранный мной голографон функционировал и этим чуть-чуть поднял мою уже упавшую ниже плинтуса самооценку.

Так, ну а теперь придется выполнять первое задание, данное мне подпольем, – составить сообщение горгоне, в миру зовущейся Кейшей Суареш. Видит бог, как мне этого не хочется делать. Но, помня о том, что работа подпольщика – это адский и не всегда приятный труд, я взъерошил волосы, напустил на себя глуповато-тоскливый вид. Что еще… Ах да, глаз нужно сделать влажный. Глянул на себя в зеркало. Ну, как-то так. Вот почему тестостерон, гормоны ну и прочая хрень заставляет организм мужчины думать не тем местом, откуда в свое время всплыл закон всемирного тяготения, таблица Менделеева ну или еще что-нибудь в этом роде, то есть соображает мужчина совсем не той головой, находясь фактически в плену, под воздействием всей этой дури. Организм толкает мужчину совершать всевозможные необдуманные поступки.

Меня, например, они, в смысле тестостерон и гормоны, кинули в объятия Кейши, а расплачивается за спонтанный секс не организм, а сам мужчина как личность. Потом, после секса,

не всегда, надо заметить, хорошего, все, как правило, показывают на несчастного мужчину пальцем, улюлюкают при этом: «Вы посмотрите на него, какой он подлец, добился благосклонности бедной девушки, набаловался и бросил ее».

«А при чем здесь сам мужчина?» – я вас спрашиваю. Он ведь сам жертва. На тот момент, когда все происходило по обоюдному согласию, заметьте, оба были очень не против. Так что мужчина есть лицо потерпевшее, как сказано в Евангелии: «Ибо не ведал он, что творил». Его организм хотел просто банального секса, без обязательств, чтобы произошел наконец выброс злосчастного, мешающего жить, помутняющего разум тестостерона, а не длительных отношений с ухаживаниями, с постоянными задабриваниями своей вечно чем-то недовольной партнерши и клятвами вечной любви. А какая сволочь, если не сказать больше, придумала эту фразу: «Теперь, как честный человек, он обязан на ней жениться». Я готов на что угодно биться об заклад, что автором этого псевдогениального высказывания был явно не мужчина.

«Дорогая Кейша…» – начал я свою запись. Какая на хрен «дорогая», тут же одернул я себя. «Любимая»? – ну уж нет. Никакая она мне не любимая. А как? Здесь вообще надо придумать другой эпитет, что-то такое нейтральное. Может, заинька моя или рыбонька, я бы, конечно, сказал: «Аллигатор мой» – этот ласковый эпитет, по моему мнению, был бы наиболее близким к истине, но боюсь, не поймет.

«Милая Кейша», – вот так хорошо вроде, ласково, но и не к чему не обязывает. «Милая Кейша, к сожалению, в ближайшее время мы с тобой не сможем увидеться, – продолжил я, весь потея от натуги. – По долгу службы мне придется задержаться на земле, но я без тебя буду сильно скучать. До встречи».

Голографон тихонько вякнул. Сообщение ушло. Ну, кажется, получилось достаточно убедительно. В конце я даже чуть не пустил скупую мужскую слезу. Мне «Оскар» надо давать, а не в клинику класть.

На Луну я вылетал из того же аэропорта, где меня всего несколько дней тому назад приняли два сотрудника СД, только терминал был другой. Чартерный шаттл, которой летел на лунную базу СТК 3, был убит «вусмерть», увидев его потрепанные бока, с которых лоскутами слезала алая краска, и проржавевшие корпуса, прикрывавшие дюзы двигателей, мне стало как-то не хорошо, я начал сильно сомневаться в том, что долечу до клиники на Луне в добром здравии. И, по-видимому, по прилете на Луну, если он, конечно, состоится, мне все-таки на самом деле понадобится врач. Красивая, ухоженная, похожая на куклу блондинка-стюардесса в кипенно-белой накрахмаленной блузке и голубой короткой юбке, встретившая меня возле открытого люка-входа в шаттл, как-то совсем не вязалась с той рухлядью, на которой мне предстояло совершить полет. Улыбаясь белоснежной улыбкой и сверкая длинными стройными ногами, стюардесса проводила меня на мое место.

– Прошу вас, устраивайтесь поудобнее, – прозвенел как колокольчик ее нежный голосок. – Еду и напитки вам подадут после взлета.

– Еду-то – бог с ней, а вот выпил бы что-нибудь, да покрепче, я уже прямо сейчас.

– Извините, но алкоголь мы разносим только после взлета.

– Фройляйн, мне реально страшно, – прошептал я ей доверительно в розовое ушко. – Вы действительно верите, что эта колымага может куда-то улететь, при этом не развалившись на части?

Опять по салону прозвенели звонкие колокольчики ее голоса, девушка заразительно смеялась:

– Все будет хорошо, вот увидите, – твердо заверила она меня. – Мы очень рады, что вы выбрали нашу авиакомпанию.

Последнюю фразу она произнесла зря. Фраза была заучена заранее, видимо, девушка до этого летала на других рейсах, потому что никакие другие шаттлы, кроме «Люфтганза», на базу СТК 3 не летали.

– Меня зовут Анна Мари, я обязательно в полете за вами присмотрю, чтобы вам не было так страшно.

Звездолет мне не понравился, а девушка очень. Опять проклятущие гормоны с тестостероном разбушевались. Поэтому я закинул пробный шар:

– Скажите, а как вас ваш молодой человек зовет – Анна или Мари?

Небольшая пауза, в течение которой девушка, обворожительно улыбаясь, внимательно смотрит на меня, в глубине васильковых глаз пляшут веселые чертенята.

– У меня нет молодого человека, – ответила она.

– Это хорошо, правда? – заметил я.

– Почему хорошо? – в недоумении спросила она.

– Потому что у меня есть шанс.

Ах как она прекрасно смеется – чисто, звонко. Нет, девушка мне определенно нравилась

– Я подойду к вам позже, – сказала она, слегка погладив меня по плечу. – Поскольку вы здесь не один, мне надо встретить и проводить к своим местам других пассажиров.

– Только, пожалуйста, не задерживайтесь, а то я тут умру без вас со страху и моя смерть будет на вашей совести.

– Обязательно. Я не дам вам умереть. – Безупречные длинные стройные ноги унесли ее по проходу между кресел, встречать и размещать других пассажиров. Которых, кстати, было не так уж и много.

В основном это были ботаны – люди науки. На Луне Рейх воздвиг восемь баз с искусственной гравитацией под прозрачными куполами. Одна база – военная. Еще одна, самая большая, – база «Депо сортировочное» для хранения с последующей переброской всевозможных грузов на другие планеты. Шесть других были во владении горнодобывающих компаний, которые, буквально как кровососы, присосавшиеся к телу человека, высасывали из толщи лунных пород хоть сколько-нибудь значимые и полезные ископаемые.

Сами базы это были шахтерские городки, в которых после тяжелой трудовой смены отдыхали, проводя свой нехитрый досуг, шахтеры, работающие здесь по контракту. Лунная база СТК 3 изначально задумывалась как большой научный центр, потом уже, когда в районе базы нашли суонн и обратили внимание, как благотворно он сказывается на организм человека, омолаживая его и заставляя даже самые застарелые болячки организма рассасываться напрочь, здесь организовали клинику-санаторий СОМНО для весьма состоятельных клиентов, министерство обороны, очень вовремя подсуетившись, тоже отхватило свой кусок «суонновского пирога».

Моя страховка звездного пилота, несмотря на чудовищную дороговизну лечения, погашала месяц профилактических процедур в клинике.

Шаттл слегка завибрировал всем корпусом, послышалось легкое гудение – это заработали его двигатели, начиная разогреваться. В конце прохода показалась голограмма пилота, он достаточно внятно и в доступной для всех форме объяснил пассажирам, что сейчас мы взлетаем, поэтому обязательно надо пристегнуть ремни, и вообще что можно делать во время полета, а чего совсем не стоит. После этого голограмма, несколько раз померцав, исчезла. Понятно, со связью здесь тоже непорядок.

Шаттл вырулил на взлетку, движки натужно завыли, я перекрестился, пилот, я уверен, тоже. Короткий разбег – и мы оторвались от бетонки. Глядя в иллюминатор, я с содроганием ждал, когда от шаттла начнут отваливаться различные запчасти, куски обшивки и мы начнем падать. Но нет. Десять секунд, двадцать – полет нормальный. Чувствуя, как плавно, без рывков это ржавое ведро с болтами, горделиво называемое звездным шаттлом, набирает высоту, я невольно проникся уважением к пилоту. Он действительно был профессионалом своего дела, особенно когда начинаешь сопоставлять его с пилотами шаттлов с Олерона, очень хорошо помня, как эти жизнерадостные ублюдки с диким гоготанием, любой ценой во время взлета

и посадки пытаются вытрясти наружу содержимое желудков своих пассажиров. Понимаешь, что этот простой работяга, гражданский пилот достоин всяческого уважения.

За бортом красота, аж дух захватывает. Вначале мы поднялись над большими ватными облаками навстречу солнцу, и тут же резко картина начинает меняться – солнце начинает тускнеть, и мы пересекаем черту между ярким светом и тьмой, вваливаясь на всем ходу в холодную черноту космоса. Шаттл вышел за пределы земли, раздался сигнал, что можно отстегнуть ремни.

– Это вам капелька успокоительного, – отвлекая меня от созерцания происходящего за бортом, прозвучал надо мной нежный голосок.

Анна Мари стояла возле меня, в руках у нее был наполовину полный бокал с янтарной жидкостью. Я уловил носом запах чертовски хорошего виски.

– Спасибо, милая Анна Мари, – сказал я, забирая у нее бокал и делая большой глоток. – Никогда не думал, что на таких затрапезных космолиниях угощают пассажиров таким дорогим виски.

– Это виски специально для особых гостей первого класса, – зашептала она мне, заговорщически подмигивая. – Но вы ведь меня не выдадите?

– Что вы, я скорее дам отрубить себе руку. Но неужели богатые клиенты летают на этом мусорнике? – поинтересовался я.

– Очень редко, как правило, в клинику они прилетают на своих дорогущих «яхтах», нашими рейсами пользуются так, если что-нибудь случилось непредвиденное, какой-нибудь форс-мажор. Вот и сейчас первый класс абсолютно свободен. Хотите посмотреть?

– Ну конечно, мне интересно.

Она взяла меня за руку и повела по салону вперед, отворила дверь, разделяющую салон на эконом и первый класс, и я окунулся в царство роскоши и комфорта – огромные, наверняка сверхудобные кресла для пассажиров, отделанные блестящей лайковой бежевой кожей, подлокотники и столики между креслами из дорогих пород красной древесины, на столах вазочки с живыми розами. Сделав шаг по салону, мои ноги сразу же утонули в мягком, темно-бордовом ковролине, шторки на иллюминаторах, а на стенах картины – копии фламандских мастеров семнадцатого века в роскошных рамах, и легкий, едва уловимый запах в салоне стойких дорогих одеколонов и духов.

– Годится, – сказал я, рассматривая все это великолепие, и плюхнулся в ближайшее кресло, которое обволакивая мое тело, буквально поглотило меня.

Анна Мари примостилась рядышком на подлокотнике моего кресла, закинув свои великолепные ноги – нога на ногу. Она оказалась очаровательной болтушкой. Через пару минут мы с ней были уже на «ты». Я узнал, что ей двадцать один год, уже два года она работает стюардессой в компании «Люфтганза». Пойти учиться после школы она не могла, у родителей не было на это средств. У нее есть младшая сестра. Оторва полная, родители никак с ней не справляются. Пару раз в салон заглядывала вторая стюардесса, невысокая темненькая миловидная девушка, выразительно спрашивая одними глазами: «Ну ты идешь?» Анна Мари картинно закатывала глаза кверху: «Разве ты не видишь? Я занята».

– У тебя из-за меня проблем не будет? – поинтересовался я у девушки.

– Да брось ты, Яр, какие проблемы, во-первых, Вирджиния – это моя подруга. Когда мы летели на Землю, она поругалась со своим парнем, ну с горя и узюзюкалась в хламину. Поскольку она была никакая, мне пришлось запереть ее в этом салоне, чтобы пассажиры не видели.

– Пьяная стюардесса – картина не для слабонервных, – поддакнул я.

– А я за нее одна весь рейс отдувалась, так что она мне должна, теперь ее очередь. А во-вторых, работать на этих космолиниях – это ссылка, обслуживающий персонал по собственной воле сюда не устраивается, народу мало летает, поэтому премиальных нет, сидим на голом

окладе, – жаловалась мне Анна Мари. – Поэтому дальше уже не сошлют, ниже падать некуда, и не уволят – работать-то некому. До этого я летала на межконтинентальных, вот там было классно. И заработки шикарные, и плюс щедрые чаевые.

– За что сослали? – спросил я, делая очередной глоток.

– Да один старикан меня лапать начал, когда я шампанское разносила, ну я ему целую бутылку «Вдовы Клико» на голову и вылила, чтобы он охладился. Эта сволочь, плейбой недоделанный, заистерил, накатал на меня жалобу. Богатый клиент, видишь ли, у нас всегда прав. Вот меня и сослали, правда, при этом не забыли из жалованья вычесть стоимость шампанского и химчистку костюма этой скотины.

Я, полулежа в удобном кресле, потягивая виски, слушал, как без умолку щебечет это юное, божественное создание, надувая пухлые губки, при этом все время грациозно жестикулируя красивыми, ухоженными руками. Смотрел на ее длинные неприкрытые ноги, на не девичью большую упругую грудь, словно высеченную из камня, на то, как через идеально накрахмаленную блузку проглядывали крупные коричневые соски. Во мне росло дикое, первобытное желание, и не только оно. И, честное слово, я очень хорошо понимал того старика, не поддаться обаянию этой прелестницы было просто невозможно. Весь ее вид провоцировал, манил, заставляя гормоны моего организма бешено бурлить.

Обстановка становилась накаленной, взрывоопасной. Интересно, эта чертовка мое состояние понимала или нет? Судя по тем ехидным взглядам, что она бросала на меня время от времени, все она понимала. Скорее всего, это был своеобразный тест – военный пилот, фронтовик, награжденный боевыми наградами, в принципе мечта многих девушек в Рейхе, желающих обеспеченной и бесхлопотной жизни. Поведется или нет? Если поведется, то можно диктовать свои условия, крутить им как заблагорассудится. Да, я повелся, здесь даже бы Его Святейшество Папа Римский повелся бы, а не то что я, грешный. «Спокойно, Яр, соберись, соблюдай спокойствие, выдохни, остынь и стань хозяином положения. А то ты только выбрался из одних силков, как сразу же намереваешься угодить в другие».

В свое время какой-то самовлюбленный недоумок изрек: «Мужчина – это охотник, женщина для него добыча». Так вот уверяю вас, что женщины – охотницы не хуже мужчин, если не лучше, они еще более изощренны и коварны в искусстве охоты, а их власть над мужчинами часто становится безграничной. Ты не успеешь оглянуться, как из охотника превращаешься в дичь. Как тот напыщенный тетерев на току, пока он пел свои незамысловатые песни, заходясь от самолюбования и восторга, думая, какой он красавец, ничего не слыша вокруг, к нему подобрался охотник. Итог таков – этот самый тетерев-косач, прекрасно прожаренный, истекающий аппетитным жиром, достается из духовки к трапезе за праздничным столом.

Отношения между мужчиной и женщиной напоминают битву двух бойцов, желания у них вроде бы совпадают, только цели каждый перед собой ставит разные. Мужчина желает тупо секса, немедленного, острого, яркого. Женщина тоже не против секса, но основное для нее – окрутить, заставить плясать под свою дудку, подчинить себе, загнать мужчину в строгие рамки, как дикого зверя в клетку. Царя зверей, который повелевал всеми в африканской саване, наводя на остальных обитателей животный ужас, превратить в ручного безобидного котенка, который без ее ведома не имеет права и шага вступить. И примеров этому масса: Адам и Ева, Клеопатра и Марк Антоний, список этот можно продолжать до бесконечности. Так что судите сами, кто здесь охотник, а кто добыча.

Анна Мари заметила изменения в моем настроении. Занервничала: «Что происходит, он уже был на крючке, я что – теряю свою привлекательность, может, он недостаточно хорошо разглядел ноги?» Как бы между прочим поменяла положение своих бесконечно длинных ног, еще больше открываясь моему взору, тем самым расширяя просторы для полета моих фантазий. «А может, он не разглядел, каким бюстом меня щедро наградила мать-природа?» – вроде бы

случайно в разговоре ее упругая грудь коснулась моей щеки. Я был как железобетонная стена. «Нет, моя милая, в эту игру мы будем играть по моим правилам».

В общем, секс у нас все-таки состоялся, Анне Мари нужно было вернуть контроль надо мной, который она теряла, я же ей аккуратно намекнул, что для этого нам нужно быть как можно ближе друг к другу. Конечно, девушка не была в сексе настолько умела, как Кейша, но опыт какой-никакой имела, отсутствие некоторых знаний она с лихвой компенсировала врожденным темпераментом, прилежным старанием и огромным желанием доказать мне, что ничего лучшего в моей жизни со мной произойти не может и этот секс я, конечно, запомню навсегда, и он станет фундаментом наших будущих длительных отношений.

Я же, наоборот, все делал с абсолютно холодной головой. Подаренные мне Кейшей тайные знания об анатомических особенностях женского тела я использовал вовсю, входя в тугое податливое тело, я делал все, чтобы доставить девушке максимальное удовольствие, зажигая ее, заставляя ярким пламенем, изнемогая от желания, гореть на медленном огне, а затем то и дело, раз за разом биться в конвульсиях страсти.

Полет был долгим, и мы много чего успели перепробовать. Потом обессиленные, эмоционально и физически уставшие, совершенно нагие лежали прямо на полу в салоне первого класса и потягивали из узких длинных бокалов дорогое шампанское со льдом.

– Это было нечто, – сказала она, прижавшись горячей щекой к моему плечу, щекоча своими волосами.

– Ты была превосходна, просто волшебница, – подбадривая, похвалил я Анну Мари. Она довольна улыбнулась.

– Яр, милый, совсем забыла тебя спросить, а зачем ты летишь на СТК 3?

Мне почему-то совсем не хотелось рассказывать ей, что лечу на Луну на лечение. Подумает еще, что больной. В общем-то, конечно, какая разница, но мой внутренний голос и мужское достоинство наперебой говорили мне, что не стоит. Поэтому, напустив на себя побольше туману, я сказал, что лечу по делам. Какие у меня там дела, я еще не придумал, но, если спросит, можно все таким же таинственным голосом сослаться на военную тайну – очень хорошо помогает, и в детали вдаваться не надо.

Анна Мари не спросила зачем. Только спросила на сколько. Узнав, что на месяц, радостно воскликнула:

– Ой, милый, как здорово, у меня сюда три рейса в неделю. Это мы с тобой так часто видится будем, – скорее утвердительно, чем вопросительно, заглядывая в глаза, сказала она мне.

Это означало только одно, она для себя за нас двоих все решила, и я выбран на роль новой жертвы для женской экспансии. Я посмотрел в ее васильковые глаза, погладил ее округлое загорелое плечо и со вздохом сказал:

– Конечно, – взглянув на свой хронометр, поинтересовался: – Слушай, а нам не пора? По-моему, мы скоро прилетаем.

– Ой, и правда! – спохватилась девушка, вскакивая и очень оперативно накидывая один за одним на себя предметы своего туалета, начала одеваться. – Ты иди на свое место, а я здесь быстренько приберусь.

Когда я вышел из салона первого класса, то все ботаны, находившиеся в шаттле, воззрились на меня, как на только что открытый, доселе земной науке не известный микроб. В их взгляде очень хорошо читалась зависть и глубочайшее сожаление, что не они стали первооткрывателями редкого микроба и нобелевская премия пролетела мимо их шнобеля. Интересно, это у меня такая довольная физиономия, что ботаны догадались, или же мы достаточно шумно резвились с Анной Мари.

Я уселся на свое место, тут же появилась Вирджиния – подруга Анны Мари.

– Минеральной воды не желаете? – вопрос прозвучал насколько можно нейтрально, но смотрела она на меня с интересом, оценивающе.

Как только в салоне появилась взлохмаченная и раскрасневшаяся Анна Мари, ботаны тут же перевели все свое внимание на нее и ее большую грудь, раздевая ее голодными взглядами, наверняка готовые отдать все что угодно, даже их самый любимый микроскоп, чтобы хоть раз увидеть ее голой. Впрочем, на лице девушки совсем не было и тени смущения, за время работы стюардессой с ее-то внешностью к голодным взглядам она привыкла. Вирджиния вприпрыжку, почти бегом направилась к ней, видимо, ей не терпелось разузнать все подробности. Анна Мари улыбнулась своей восхитительной улыбкой, показала мне язык и задернула перед собой шторку, чем сильно разочаровала ботанов.

Появилась голограмма командира корабля, который поблагодарил нас за полет, объявил, что в скором времени мы входим в плотные слои лунной атмосферы, затем очень вежливо, но крайне настойчиво попросил нас пристегнуть ремни и не вставать с мест до прилунения и полной остановки. Что мы послушно и сделали. Садились мы очень плавно. Еще издали внизу я увидел среди холодного мертвого лунного пейзажа, среди серой лунной пыли и невыразительных кратеров, покрывавших как отметины после оспы всю планету, – промышленный оазис, воздвигнутый человеческими руками гигантский, прозрачный, просто поражающий воображение купол СТК 3. Под куполом были видны различные здания, путепроводы улиц, даже ярко мерцающие огни голографических реклам.

Рядом с базой находился космопорт, он огромным яйцом как будто прирос, примкнул к куполу СТК 3. Возле взлетно-посадочной полосы были аккуратно расставлены грузовые шаттлы, и тут же отдельная стоянка для космических белоснежных яхт, которых здесь было примерно два десятка – на любой вкус и размер кошелька. Яхты стояли очень гордо, ведь они являлись воплощением благосостояния своих хозяев, их особого привилегированного статуса в обществе. Яхты терпеливо дожидались, пока их богатенькие, вконец развращенные деньгами владельцы и владелицы наконец вылечат свои, чаще всего надуманные врачами недуги.

Вертикальная посадка. Двигатели шаттла срываясь ревут, работая на полный износ. Легкий толчок. Шасси касается взлетки, двигатели слезают с форсажа и начинают работать в штатном режиме, уши перестает закладывать. Раздаются аплодисменты – так пассажиры благодарят пилота за проделанную работу. Шаттл неторопливо катится к месту выгрузки пассажиров – рукаву пассажирского шлюза, через который вновь прибывшие должны попасть в прилетный зал космопорта. Пристыковались.

Появились Анна Мари с Вирджинией, они легко открывают люк в переходной шлюз, при этом обе мило улыбаются и напоминают пассажирам, чтобы не забывали личные вещи в салоне. Ботаны гурьбой ринулись на выход, такое впечатление, что куда-то очень сильно торопятся, и велика вероятность, что опоздают. Никогда этого не понимал. Я из салона выходил последним. Анна Мари, стоявшая на выходе и о существовании которой я вчера еще не знал, не обращая внимания на Вирджинию, припечатала меня страстным поцелуем.

– Яр, милый, ты разве ничего не забыл? – спросила она, оторвавшись от моих губ, но продолжая прижиматься ко мне всем своим роскошным телом.

– Что именно?

– Ты же весь полет, как одержимый, требовал номер моего голографона.

«Ложь», – подумал я, ничего такого я не требовал, видит бог, даже не просил. Но, понимая, что весь спектакль предназначался для ушей и глаз Вирджинии, мол, смотри, подруга, и завидуй, какого я офицерика заарканила, вслух сказал:

– Ах да, да.

Не знаю, что уж такого поведала ей обо мне Анна Мари, но по завистливо восхищенному взгляду зеленых глаз Вирджинии, я понял, что она очень не против была бы оказаться на месте подруги. Выдав мне номер своего голографона, она еще раз страстно, со стоном,

чтобы я не забыл, как нам было хорошо, поцеловала меня и с видом царицы Клеопатры благосклонно отпустила, разрешив мне проследовать на таможню. На прощание, сжав кулак, оттопырив наманикюренные большой палец и мизинец, соорудив из кулака подобие телефонной трубки, прижала руку к уху и прошептала одними губами:

– Позвони мне, я жду.

Я, как ишак, мотнув головой, мол, обязательно, поплелся на таможню.

Узкий тоннель, белые пол, потолок и стены которого буквально до каждого сантиметра были испещрены рекламой колы, гамбургеров, сосисок, клиники СОМНО и прочего, заканчивался тремя стальными дверьми, надписи над которыми гласили – первая справа «Для постоянных жителей лунной базы», средняя дверь «Для лиц, прибывших на лечение», и над третьей горела вывеска: «Для обслуживающего персонала». Надо было подойти к нужной двери, сунуть руку с чипом в окошечко, таможенный автомат считает и уточнит в картотеке твои личные данные: на каком основании и для каких целей ты прибыл на СТК 3 и есть ли у тебя допуск. Если все в порядке, то дверь открывается, и ты попадаешь в зал получения багажа, где можно забрать свой уже досмотренный багаж.

Из зала для получения багажа один из трех эскалаторов поднимает тебя наверх, в просторный светлый зал прилета и отлета с кучей кафешек и магазинчиков. Некоторые кафешки расположены так, что ты можешь, уютно расположившись в кресле, попивая кофеек, как в аквариуме за прозрачными стеклами, наблюдать за мертвым лунным пейзажем или за прибытием и отбытием шаттлов, космических яхт, глазеть на темный лунный небосвод, на котором в оправе бриллиантовой россыпи звезд выделяется ярким, чуть голубым пятном почему-то слегка приплюснутый сверху эллипсоид Земли. Красота!

Я невольно залюбовался этим зрелищем, как услышал рядом с собой вежливое покашливание.

– Кхе-кхе, герр Ковалефф?

Я отвлекся от созерцания прекрасного. Сзади меня стоял хмурый субъект – ниже меня ростом, с ничем не примечательной внешностью, и одет он был как-то серо, незапоминающе. Мимо таких людей обычно проходишь, никак не выделяя их из общей массы, вот только глаза – острые, цепкие, как сканер.

– А кому это интересно? – также вежливо в тон ему поинтересовался я.

– Меня зовут Петер Холечек, старший санитар клиники СОМНО, – представился он, продолжая меня внимательно изучать.

– А что, бывают средние санитары? – не удержался я от колкости, мне этот тип не очень нравился, но, возможно, первое впечатление обманчиво

– Бывают и средние, – ответил он. – Я правильно понимаю, вы прибыли на лечение в клинику СОМНО?

– Так и есть.

– Как давно вам установили диагноз? – спросил он кодовую фразу пароля.

– Еще зимой, – ответил я.

– Диагноз установила профессор Янсоне?

– Нет, это был профессор Шварке.

Холечек как будто чуть-чуть расслабился, позволив себе даже немного улыбнуться, правда, совсем слегка и одними губами.

– Здравствуйте, Яр, ждали вас, – протянул он мне руку.

Рукопожатие у него было неожиданно крепким. Надо же, сам с виду никакой, казалось, соплей перешибешь, а руки как клещи. Холечек оглянулся по сторонам, просканировав всю округу.

– Пойдемте, я отвезу вас в клинику. – Мы вышли на стоянку каров. – Прошу, – Холечек жестом указал на малюсенький светло-желтый, как букашка, электрокар с логотипом клиники

на дверях, припаркованный возле поребрика. Сложившись в три погибели, я смог уместиться в машине. Холечек включил ручное управление и достаточно резво стартанул с места.

– Яр, вы что-то хотели спросить? – поинтересовался он, крутя баранку и не отрывая взгляда от дороги.

Надо же, он что, мысли умеет читать? Я и правда кое-что хотел спросить, помня о данном мной обещании Анне Мари. Я подумал, а ведь было бы неплохо закрепить, так сказать, пройденный материал, сделать этим вечерком еще один сброс адреналина и тестостерона не для себя, а только для пользы моего организма. Ведь его, в смысле мой организм, ждет впереди жуткий стресс – операция. Поэтому я решил поинтересоваться:

– Когда меня прооперируют?

– Завтра, но это не совсем операция, ничего серьезного и сложного, так что вы не волнуйтесь.

Хорошо говорить: «Не волнуйтесь». Это же не у него в мозгах ковыряться будут. Но сейчас не об этом.

– Скажите, Петер, – начал я издалека, – а я могу сегодня вечером прогуляться по станции, ознакомиться, так сказать, с достопримечательностями…

Он посмотрел на меня подозрительно

– Зачем вам это?

– Ну-у-у так… для общего развития. Я никогда не был здесь.

– Яр, послушайте меня, сегодня у вас заезд в клинику, сдача анализов и прочее, подготовка к завтрашней процедуре, послезавтра вы уже отбываете. Я за вас отвечаю. Моя задача в целости и по возможности в сохранности отправить вас на Олерон. Чем меньше вы отсвечиваете здесь, тем лучше. И не только для вас. Поверьте мне на слово, служба безопасности здесь работает не хуже, если даже не лучше, чем на Земле. И если вы не увидели здесь черных мундиров гестапо – это не значит, что их здесь нет. Каждый прибывающий на СТК 3 сразу попадает в их поле зрения. Так что от ночных прогулок вам придется воздержаться, – жестко закончил Холечек.

– Понятно, – вздохнул я. – Ну нет – так нет.

Что же, Анна Мари, пока отложим наше свидание до лучших времен.

– Как я попаду на звездолет контрабандистов, если здесь все так строго? Я так понимаю, мне, чтобы улететь на Олерон, вначале надо просочиться на базу «Депо сортировочное»?

– Правильно понимаете, Яр, – не разжимая губ, ответил Холечек, – но не забивайте себе голову ненужными деталями. Как вы туда попадете, это не ваша проблема, это моя печаль.

Ишь ты, какой деловой, ну и хрен с тобой, печальный ты наш. Я молча уставился на дорогу. Движение было небольшое, лишь изредка по узким путепроводам улиц навстречу нам двигались кары, в основном такие же букашки, как наш. Весь городок подсвечивался за счет довольно высоких зданий, построенных в ультрасовременном стиле – из стекла, стали и бетона. Несмотря на то, что сейчас лунный вечер был в самом разгаре, в зените, так сказать, народу на улицах было совсем мало.

Мы подъехали к башне семиэтажного здания, подсвеченного розоватой неоновой подсветкой. Возле входа – горящие, ослепительно-белые большие, каждая метра два в высоту, объемные буквы, стоящие прямо на асфальте, составляли слово СОМНО.

– Все, выгружаемся, приехали, – сказал Петер Холечек, подъезжая к пандусу главного входа.

Несмотря на то, что клиника СОМНО внешне мало напоминала ранее посещаемые мной медицинские учреждения, скорее роскошный пятизвездочный отель, легкий озноб меня все равно прошиб. Ничего не поделаешь, синдром боязни белых халатов – это фобия такая, которой страдаю не только я один, но еще куча народу.

– Вот смотрите, Яр, на первом этаже регистратура и ресторан, второй и третий этаж процедурный и операционный, верхние этажи отданы для богатых клиентов. Ваша отдельная палата номер сто одиннадцать находится на четвертом этаже, – пока мы шли к регистрационному окошечку, Холечек мне все это рассказывал тоном этакого гида-экскурсовода.

Когда вы попадаете в большой стерильный холл, взгляд упирается в шесть прозрачных лифтов, в которых люди, как в стеклянных банках, поднимаются до нужного им этажа. Подняв голову вверх, видишь стеклянную крышу здания, а за ней небосвод купола самой базы, а за куполом звездное небо – от этого холл поражает воображение и кажется в высоту бесконечным. Справа створки широкой матовой двери с надписью «Ресторан», слева из белого блестящего пластика стойка регистратуры, за которой сидят четыре миловидные молоденькие сестрички в белых халатах.

– Ну оформляйтесь, я загляну к вам палату попозже, – напутствовал меня старший санитар и куда-то растворился.

Я подошел к улыбающимся девушкам, сунул руку в окошечко.

– Яр Ковалефф, – громко, внятно объявила мне одна из сестричек, таким голосом, как будто я выиграл в лотерею два миллиона рейхсмарок.

– Девушка, вы не поверите, но я в курсе.

Легкое замешательство. На лице девушки читается недоумение.

– В курсе чего? – неуверенно спрашивает меня девушка.

– Ну что я – Яр Ковалефф.

– Ах… – с облегчением улыбается девушка. – Мы вас ждали. Наша клиника и весь наш персонал очень рады, что вы выбрали наше учреждение, мы всегда к вашим услугам. Вот ключ, – протянула девушка мне карточку. – Ваша палата номер сто одиннадцать, четвертый этаж. Мы очень надеемся, что вам у нас понравится.

– Скажите, прелестница, а до скольких у вас работает ресторан? Очень кушать хочется. Слона бы съел.

– С семи утра до одиннадцати вечера, но по желанию вы можете заказать еду к себе в палату.

Со словами «Спасибо, милая» я бодрым шагом направился в ресторан.

В шаттле по вполне понятным причинам мне было не до еды, я был очень занят, а после секса всегда так есть хочется. Не могу сказать, что еда была вкусной – синтетическая какая-то, наверное, суперздоровая и суперполезная, но брюхо я свое набил основательно. Обожравшись как удав, наверное, так много кушать не очень хорошо, я с трудом погрузил свою тушку в прозрачный лифт, мечтая принять душ и очутиться побыстрее в кроватке. Поднялся на четвертый этаж, карта-ключ зеленым курсивом показала мне направление к моей палате, вставив карту в слот замка, я очутился в небольшой палате, стены которой выкрашены в фисташковый цвет. Зашторенное окно напротив, справа платяной шкаф и дверь в санузел, слева кровать с тумбочкой и прикроватным бра, возле кровати панель какого-то медицинского прибора, дополнял интерьер палаты небольшой журнальный столик посередине комнаты, возле которого стояли два кресла – в одном из них, портя общее впечатления от увиденного, вытянув свои худые ноги, сидел старший санитар Холечек. Парень слова, что тут скажешь, обещал заглянуть – и вот заглянул. Держит обещание.

– Смелее, Яр, проходите, раздеваетесь по пояс, ложитесь на кровать. Мне необходимо снять с вас показания.

Я повиновался, а что делать. Он подсоединил к моей голове и моему телу различные датчики и нажал несколько кнопок на панели, раздалось еле слышное жужжание.

– Буквально несколько минут полежите спокойно, – попросил он.

– На сколько на завтра назначена экзекуция? – спросил я.

– На шесть утра. Персонала в клинике будет минимум, и это для нас хорошо, – что-то разглядывая на мониторе, пробурчал себе под нос Холечек. – Ну вот теперь все. Не буду вас дальше утомлять. Отдыхайте.

– И это все? – спросил я.

– Конечно, а что вы ждали, что вам иголки под ногти будут засовывать? Это всего лишь обследование.

– Я не об этом. Вы не хотите мне рассказать, что со мной будет дальше?

Он устало посмотрел на меня.

– Я не знаю, что с вами будет дальше, и не должен знать. Повторяю: мое дело было встретить вас, сопроводить в клинику, подготовить к операции, переправить на звездолет контрабандистов и через месяц встретить. Мои функции крайне ограничены.

– Мне один серьезный человек сказал, что, если что-то случится, я могу полагаться на вас.

– А разве что-то случилось? – с сарказмом спросил он, испытывающе глядя на меня.

– Ну как бы нет, – пожал я плечами.

– Ну вот видите. Пока все идет по плану. Вот если случится, тогда и поговорим. И вообще, Яр, вы свой выбор сделали, я так понимаю – совершенно осознанно, вас ведь никто насильно не заставлял? В скором будущем работа у вас будет такая, что придется полагаться в основном только на себя и рассчитывать только на свои силы, часто будет так, что помочь в какой-то момент ни советом, ни действием вам никто не сможет. Вы меня хорошо поняли?

Я мотнул головой.

– Ну и хорошо, а сейчас отдыхайте, не буду вам мешать.

Удивительно, но я заснул. В пять меня разбудили, тот же Холечек бесцеремонно растолкал и проводил в операционную.

Профессор Богуслав Пекстис был тщедушный, лысый, пожилой подвижный человек с лицом, морщинистым как печеное яблоко, и очень живыми, молодыми глазами. От него, как и от многих врачей, буквально веяло чистотой, создавалось впечатление, что он моется под душем каждый час. Ассистировали ему все тот же Холечек и медсестра в белом халате, шапочке и марлевой повязке. Поэтому я видел только ее глаза, как она выглядит – молодая или пожилая, – я определить не мог. Профессор называл ее «голубушка». Вообще-то эта тройка смотрелась довольно зловеще.

– Ну-с, молодой человек, приступим. Ложитесь на стол, – жизнерадостно сказал Пекстис, пока медсестра помогала натягивать ему перчатки. – Не волнуйтесь – все будет прекрасненько.

Я поежился. Стол был холодный, моему теплому телу, еще до конца не отошедшему ото сна, чувствовать холодную клеенку операционного стола голой спиной было вдвойне неприятно. Сестра-«голубушка» деловито поднесла маску к моему лицу – и все. Я отключился.

Яркий свет мешал, резал глаза. Рука возле запястья саднила. Где я? Кто я? Соображалось как-то медленно, мысли ворочались в голове словно чугунные. Я – Яр Ковалефф. А что я здесь делаю? Ах да – операция, но если я помню, что я – Яр Ковалефф, что же получается – операция не удалась?

– Как вы себя чувствуете, молодой человек? – услышал я голос профессора Пекстиса.

– Все хорошо, док, – ответил я.

– Ну смелее, приходите в себя.

Мысли в башке задвигались быстрее, я стал очухиваться. Осмотревшись, я понял, что нахожусь на койке в своей палате, рядом напротив в кресле сидел профессор и улыбался.

– Док, как все прошло?

– Все хорошо, – ответил он. – Как вы себя чувствуете? – еще раз поинтересовался он.

– Рука болит, – пожаловался я.

– Ну это быстро пройдет, чип с новыми личными данными мы вам поменяли.

Я взглянул на свою руку – за маленьким розовым шрамом во мне скрывалась частица умершего человека, его уже не было на свете, а часть его, которая присутствовала с ним почти от рождения до самой смерти, теперь находится во мне… Ощущение крайне неприятное.

– А почему я до сих пор знаю, что я – Яр Ковалефф?

– Так и должно быть.

– Вы что, его память в меня не слили?

– Да нет, все сделали как надо, – сказал он, вставая и подходя ко мне. – Видите ли, молодой человек, если вы все время будете чувствовать присутствие в себе другой личности, то это грозит серьезным расстройством для вашей психики. Поэтому сейчас воспоминания другого человека находятся у вас в мозгу в правом полушарии дольной части, в отдельном, так сказать, месте. Как бы вам проще и доступнее объяснить, не вдаваясь в медицинские термины, чтобы вас не путать.

– Попробуйте, пожалуйста.

– Воспоминания другого человека находятся у вас в голове, как книга на полке в вашей личной библиотеке, которую вы всегда беспрепятственно можете достать с полки и прочитать в любую минуту, а затем опять поставить книгу на полку до нужных времен. Единственно, конечно, этому надо научиться и к этому надо привыкнуть, чтобы делать это в нужные и сложные моменты для вас.

– И я на время становлюсь другим человеком?

– Не совсем так просто. В те моменты, когда вам нужно, память другого человека всплывет у вас в мозгу и будет идти параллельно вашим воспоминаниям, ну и несколько доминировать. Поэтому, даже если вас подвергнут гипнозу допрашивающие вас люди, никакой другой информации, кроме как ваших ложных воспоминаний, от вас не добьются.

– Ну и как это делается, в смысле, как переключается этот переключатель? Извините уж за тавтологию.

– Ну в общем-то достаточно просто. Закройте глаза, молодой человек, успокойтесь, включите в своем сознании что-то типа метронома или маятника, досчитайте до двадцати пяти, на последней цифре обратите свой внутренней взор к вашей правой части мозга – области за ухом —и произнесите кодовое слово «сольфеджио».

Сработало. Лето, речка, мне шесть лет. Несмотря на то, что очень тепло, я почти посинел от холода, тело покрылось гусиной кожей, но из воды вылезать не хочется, хоть и трясет.

– Штефан, пора выходить, ну накупался уже – хватит.

Слышу мамин голос, оборачиваюсь – светловолосая женщина в летнем красном сарафане стоит на берегу реки, улыбаясь машет мне рукой.

– Мам, ну еще чуть-чуть, ну пожалуйста.

– Я сказала все, хватит, иначе папе расскажу.

Я нехотя вылезаю из воды. Знаю, с папой лучше не спорить, уж больно он крут. Мама достает большое махровое полотенце и начинает досуха вытирать меня. Немножко больно, но очень приятно. Начинаю согреваться. Я заворачиваюсь в полотенце целиком, очень хочется есть. Мама уже шарит по своей сумке, достает оттуда бутерброд с сыром и помидор. Кусаю бутерброд, пережевываю вязкий острый сыр с белым хлебом, вдогонку кусаю ароматный сочный помидор, брызги от которого летят во все стороны. Вкусно! Но вдруг становится до слез очень грустно и больно – знаю, что это последний день, когда вижу маму живой. Вечером отец придет домой пьяным, злым – он потерял работу. Обвинит во всем нас с мамой, что это мы ему сломали жизнь, начнет приставать ко мне, тыча в лицо пальцем, дыша на меня перегаром.

– Когда ты вырастешь и пойдешь работать? Сколько я вас с твоей матерью кормить буду?

Мне страшно, я описался. Жидкость из моего мочевого пузыря теплым ручейком стекает по ногам и образует лужицу возле моих ступней, одетых в кожаные сандалики, мне очень стыдно и становится еще страшнее. Отец гадко хохочет.

– Смотрите на него – обоссался. Нет, мужик из тебя никогда не вырастет. – И вдруг зло вскрикивает: – Что же ты, гаденыш, гадишь у меня в доме! – Беря меня за шею своей мощной рукой, второй больно бьет меня по щеке. – Я заставлю тебя убрать за собой.

Я реву громко, навзрыд.

– А ну заткнись!

Отец замахивается, чтобы еще раз ударить меня.

– Иштван, что ты делаешь? Прекрати, он же еще ребенок.

Мама изо всех сил, двумя руками отбрасывает отца от меня и становится между нами. Отец – пьяный, поэтому не удержался на ногах, упал.

– Ах ты сучка! – сказал он, вставая, и навис над нами.

Только сейчас я понимаю, мама, всегда казавшаяся мне высокой, совсем маленькая. Он бьет маму. Мама падает, но продолжает прикрывать меня своим хрупким телом.

– Иштван, опомнись, прекрати. Что ты делаешь? – шепчет она, вздрагивая от каждого удара.

Отец с остервенением, с какой-то нечеловеческой злостью продолжает наносить удары один за другим. Мама прекращает сопротивляться, только шепчет:

– Не надо, Иштван, пожалуйста, не надо.

Отец не унимается. Мама затихает, распластавшись, накрыв меня. Я чувствую, как ее тело больше не сжимается от ударов отца. Он еще пару раз бьет ее ногой.

– Ну вот будешь, сучка, знать, как мне перечить.

Отец вытирает разбитые в кровь костяшки рук белым кухонным полотенцем, оставляя на нем кровавые разводы, бросает его на пол, открывает холодильник, достает оттуда бутылку паленки.

С грохотом распахивается входная дверь, на пороге полиция – это соседи, услышав шум, вызвали их. Они с трудом скручивают отца, кладут его лицом на пол, надевают на него наручники. Девушка полицейская с убранными назад в черный хвост волосами, склоняется над телом матери.

– База, база! – кричит она. – Это группа шесть. Срочно скорую, слышите? Срочно! – Девушка полицейская замечает меня: – Как ты, мальчик, болит что-нибудь? – спрашивает она меня, одновременно ощупывая.

– Н-н-нет, – заикаясь говорю я.

Меня всего трясет. Дальше какие-то люди в халатах укладывают маму на носилки, подсоединяют к ней различные провода. Старший из них, седой мужчина, ничего не говорит, только с сожалением качает головой.

– Мама, мамочка! – кричу я, пытаясь побежать за носилками, меня не пускает, крепко держит девушка полицейская. – Пустите меня! Мамочка!

Маму увозят. Девушка держит меня и гладит теплой ладонью по голове:

– Все будет хорошо, – повторяет она как заведенная. – Все будет хорошо…

Я как будто выныриваю из глубины на свежий воздух. Дышу так часто, как будто только что пробежал полосу препятствий, установив рекорд вермахта, побив все существующие нормативы для звездпехов. Кто я? Яр Ковалефф. Фу ты, черт, ну и судьба у этого парня. Врач улыбается, смотрит на меня:

– Ну, я смотрю, у вас все получилось. Молодец. Вам сегодня надо будет побольше потренироваться, чтобы переходить из одного сознания в другое быстро и беспрепятственно. Потому что я слышал, вы нас завтра покидаете на месяц.

Честно говоря, после таких воспоминаний Штефана переходить к ним снова совсем не хочется.

– Док, я надеюсь обратно по прибытии к вам в клинику, вы удалите из меня это. Мне своих переживаний на две жизни с лихвой хватит, а тут еще – это.

Профессор пожимает плечами

– Прикажут – удалю.

– Что значит прикажут? Мне что же с этим ассорти из своих и чужих воспоминаний всю оставшиеся жизнь жить? – вспылил я.

– Молодой человек, – говорит профессор назидательно, – мы с вами служим организации, где железная дисциплина и строгие правила, которые мы должны неукоснительно соблюдать. Без приказа мы не имеем права своевольничать. И потом, как знать, возможно, запасная память вам еще понадобится. И скажу вам по секрету, – продолжил он, – я сейчас разрабатываю методику, чтобы у наших разведчиков могло быть не только две памяти, но и два идентификационных чипа, каждый из которых может функционировать именно тогда, когда он нужен. Осталось недолго, я уже на пороге этого изобретения. Об этом я доложил на самый верх. Нет, вы только посудите, каждый наш агент может иметь сразу две личности и пользоваться ими на свое усмотрение в разных ситуациях – это как затруднит работу гестапо по выявлению наших людей! А какие перспективы открывает! – он наклонился ко мне, быстро зашептал: – Я бы очень хотел, молодой человек, чтобы вы были таким нашим первым агентом.

Я внимательно посмотрел на этого старого маразматика, на этого недоделанного новатора-изобретателя, мне очень сильно захотелось свернуть ему шею. В данный момент, на мой взгляд, это была чрезвычайна интересная и крайне конструктивная идея. Но я взял себя в руки и сквозь зубы спросил:

– Ну и как они там наверху, одобрили это гениальное изобретение?

– К сожалению, пока нет.

«Слава богу, – подумал я, – нами все-таки руководят достаточно мудрые люди».

– Но я уверен, молодой человек, я смогу их всех убедить. Вот увидите, будущее за прогрессивными методами работы агентуры.

Где-то я читал, что в Средние века таких, с позволения сказать, двигателей прогресса обычно сжигали на костре, предварительно обвинив в еретизме и предав анафеме, что ж, возможно, это была чертовски неплохая идея. Когда же не было поблизости зажигалки и вязанки дров, то таких инноваторов просто скидывали со скалы в море-океан. А что, тоже в общем-то не такая уж и плохая идея в назидание другим, дабы не повадно было.

– Ладно, молодой человек, – похлопал он меня по руке, – мне пора, сегодня много пациентов, а вы тренируйтесь, разрабатывайте себя, так сказать. До встречи и удачи вам! – и быстренько выскочил из моей палаты.

Возможно, он действительно торопился, а возможно, увидел в моих глазах всполохи всеочищающего костра. Пока копаться в своей новой памяти меня не вставляло. Для того чтобы продолжать, надо собраться с духом, так что чуть позже, а пока нужно встать, сходить позавтракать. Что я и сделал, спустившись на лифте на первый этаж.

В ресторане никого не было. Наверное, пациентам, а особенно зажиточным, в падлу вставать так рано, ну и бог с ними, съесть свой завтрак в одиночестве – это даже лучше, а то вдруг полезет кто-нибудь с расспросами. Разговаривать ни с кем не хотелось. Посреди зала стоял большой стол с начищенными до нереального блеска мармитами, под крышками которых находилась еда на любой вкус. Взяв чистую тарелку, начал приподнимать крышки, заглядывая в каждый мармит, проверяя его содержимое. Овсянка – не хотим. Вареные диетические сосиски – не хотим, яйца жареные, яйца вареные – тоже не хотим. Дальше. Дальше я поймал себя на мысли: «Это я не хочу, или же Штефану такая еда не нравится? Так, Яр, срочно вспоминай, что ты любишь?» А чего тут вспоминать. Вот оно – под одной из крышек находились блинчики с творогом. Я точно знаю, что Яр Ковалефф очень любил, когда мама готовила ему на завтрак блинчики с творогом. Я мог съесть их много, очень много.

Положив горячие блинчики себе на тарелку, щедро плюхнув на них несколько больших ложек сметаны, взяв в руки столовые приборы и налив себе из аппарата огромную кружку

капучино – молочная воздушная пенка буквально выползала из кружки, проследовал за самый дальний столик в углу. Пока ставил кофе, несколько капель пролилось на белоснежную скатерть. «Как всегда», – почему-то радостно подумал я, ведь Яр Ковалефф обычно, как правило, всегда проливает кофе – значит, я это я. Хорошо.

Немного успокоившись, отрезал кусок блина, щедро макнул его в сметану, запихнул в рот. Чего ж не вкусно-то? Так… и опять сомнения. Здесь просто безобразно готовят, или же это Штефан по какой-то причине не любит блинчики с творогом? Прекращай. Профессор же ясно объяснил тебе, что пока память Штефана закрыта, она не может влиять на твое сознание. Кто-то внутри меня, называемый внутренним голосом, тут же задал вопрос: «А интересно, что из блюд любил Штефан? Давай узнаем, а?» – «Не сейчас», – одернул я свой внутренней голос. – Дай спокойно поесть». Тот не успокаивался: «Ну давай узнаем, интересно же».

Я сразу вспомнил старый анекдот: Америка, Дикий Запад, индейцы поймали ковбоя, привязали его к столбу. Внутренний голос говорит ковбою: «Не ссы, держи себя смело и уверенно». Что тот и делает. Дальше индейцы задают различные вопросы ковбою, внутренний голос говорит ему: «Не смей отвечать на их вопросы». Ковбой молчит как рыба. «Когда к тебе подойдет вождь племени, то плюнь ему в рожу», – говорит внутренний голос. Ковбой, собрав побольше слюны, плюет в лицо вождю. «Ой, что теперь будет!!!» – панически орет внутренний голос и исчезает.

Вот сейчас со мной происходит что-то похожее. Мой внутренний голос постоянно меня подзуживает, но я не ковбой, я ему не поддаюсь. Кое-как запихал в себя невкусный завтрак. Вернулся в палату, очень не хочется продолжать копаться в чужой памяти, но понимаю, что надо. Включаю воображаемый маятник и проваливаюсь…

Мне четырнадцать, сижу за партой, за соседней партой сидит она – Агнесса, девушка о которой я думаю днем и ночью. Мелкие черты красивого лица как будто набросанные талантливым художником карандашом на мольберте, русые волосы, собранные в толстенную косу, длинная шея, возле правого уха на шее небольшая родинка, в розовых мочках ушей маленькие сережки с фианитами в виде сердечка, на щеках румянец. Она склонилась над тетрадью и прилежно пишет сочинение, смешно морща носик и шевеля губами. Вдруг она останавливается в задумчивости, грызет ручку, видимо, не зная, как продолжить.

Моя тетрадь девственно чиста, я пока не написал ни строчки, я как безумный продолжаю безотрывно смотреть на нее, на ее курносую упругую грудь, на ее смуглые оголенные ноги, переплетенные под партой в хитрый узел. Я так возбужден, что ничего не соображаю. Агнесса, видимо, почувствовав на себе взгляд, оборачивается и окидывает меня зелеными насмешливыми глазами. Я сразу же утыкаюсь в свою тетрадь, делаю вид, что пишу сочинение. Когда она отворачивается, продолжаю украдкой следить за ней.

Звонок означает конец урока. Фрау Менге собирает тетради. Моя по-прежнему пуста – ни строчки, ни буковки, а ведь тема серьезная: «Как я люблю Рейх». Прибежав из школы одуревший, одурманенный, весь млея от сумасшедшего желания, забираюсь под душ, чтобы хоть как-нибудь прийти в себя, смыть это наваждение. Но душ не помогает, а наоборот, капли, с силой бьющие по телу, еще сильнее заводят, я не в силах больше сдерживаться, трогаю себя там, не переставая ни на секунду думать об Агнессе…

Стоп! Хватит! Я выныриваю из чужих воспоминаний. Черт побери, Штефан Дорн, что за хрень! Может, мне кто-нибудь объяснит, как мне, Яру Ковалеффу, может помочь в борьбе с Рейхом твое онанирование. Как и какой рукой ты это делаешь – мне совершенно не интересно. Так, немножко надо отдохнуть и продолжим.

За чужими воспоминаниями прошел почти весь день с перерывом на обед полдник и ужин. Шаг за шагом ныряя то в детство, то в отрочество, то в юность, а затем и во взрослую жизнь доселе мне незнакомого человека, который иногда, на некоторое время будет становиться моим вторым я, не удалось не только научиться моментально переключаться со своих

воспоминаний на чужие и обратно, но и узнать, что Штефан Дорн после трагической смерти мамы переехал к своей одинокой бабушке, которая сыграла в его воспитании огромную роль. Привила ему любовь к книгам и к точным наукам. На колледж у старушки средств не было, поэтому Штефану пришлось заканчивать профтехучилище по профессии ремонтник космических шаттлов, после окончания техникума он устроился на лунную базу «Депо сортировочное».

Поскольку он был специалистом широкого профиля, его ценили за золотые руки, платили хорошо, ему разрешалось в свободное время подрабатывать на других станциях. Заботу бабушки о нем Штефан никогда не забывал, поэтому отсылал ей половину своего жалованья. По характеру был довольно суховат, друзей не имел и не старался заводить, что для моей дальнейшей деятельности было не так уж плохо.

Девушки у него тоже не было – в юности обжегся. Его девушка Агнесса, которую он так долго добивался, которую всерьез любил и боготворил, возведя ее на пьедестал в ранг богини, его Агнесса, которая подарила ему незабываемую радость первого, неумелого еще, но от этого не менее прекрасного таинства секса, предала, загуляв с его лучшим другом, просто так, из интереса, из женского любопытства.

Вам это ничего не напоминает? А мне так очень. Не то чтобы он после этого стал закоренелым женоненавистником, но к девушкам стал относиться крайне настороженно. Отца он больше никогда не видел, того за убийство посадили в исправительный лагерь, после этого его следы теряются. Сам Штефан Дорн судьбой отца никогда не интересовался и справок об отце не наводил. А совсем недавно умерла его бабушка. Ушла она тихо, во сне. Штефан тяжело переживал смерть такого близкого для него человека.

Вот так по кусочкам, шаг за шагом у меня сложилась мозаика чужой жизни. Осталось только узнать, как он погиб. Было уже совсем поздно. Мой мозг гудел от перенапряжения. Завтра мне надо будет попасть на звездолет контрабандистов, о чем мне напомнил недавно заходивший старший санитар Петер Холечек. Приняв перед сном душ, я с удовольствием погрузился в сон, давая своей голове заслуженный отдых.

Утром, спозаранок Холечек, как всегда особо не церемонясь, самым бессовестным образом распихал меня, без какого-либо пиетета, зверски вырывая из сладкого царства Морфея – это уже стало некой традицией, прямо варвар какой-то.

– Вот, одевайтесь, – Холечек бросил на мою кровать синий потрепанный комбинезон ремонтника с бейджиком на груди, на котором аккуратными черными буквами была выведена фамилия Дорн.

Вроде чистый, ну и за это спасибо.

– Скажите, Петер, как погиб Штефан Дорн? – задал я мучивший меня вопрос, натягивая комбинезон.

– Зачем вам это?

– Да так, я знаю всю жизнь человека со всеми ее интимными подробностями, но не знаю, как она оборвалась.

– Да в общем-то погиб он по глупости, очень ответственный парень был. Грузил контрабандный товар на звездолет, отбывающий на Олерон, кран-манипулятор с грузом подвис, он не стал дожидаться ремонтной бригады, полез сам исправлять, но груз оборвался и подмял его под себя. Нельзя было вот так одному, без страховки. Хороший он парень был, рукастый, безотказный и считал войну с Олероном несправедливой, – с грустью сказал Холечек.

– Скажите, Петер, я, честное слово, не понимаю, ну какой толк было менять идентификационный чип и вообще всю эту бодягу с чужой памятью затевать, если Штефан Дорн мертв. И его нет в рейховском реестре живых?

– Вот тут вы ошибаетесь, Штефан Дорн по-прежнему числится в реестре живых, на его персональный код в банк ежемесячно приходит получка, аванс, премиальные.

Увидев мой недоуменно-вопросительный взгляд, пояснил:

– Все очень просто: сопротивлению нужны идентификационные чипы погибших людей, они используются для различных целей, в том числе и чтобы помогать скрываться от гестапо разным людям. Нам удалось скрыть гибель Дорна от властей, тело мы похоронили, а его чип время от времени считывается таможенными аппаратами лунных баз. По реестру он проходит как работающий на всех восьми лунных базах Рейха, очень удобно: если кто-то вдруг заинтересуется, всегда можно сослаться, что он по долгу службы в данный момент находится на какой-то другой лунной базе. Тем более он недавно продлил контракт на два года.

– Ну и как эта шняга прокатывает? Вы же сами говорили, что гестапо здесь за всеми ведет слежку.

– Я говорил, если помните, за вновь прибывшими. Дорн давно здесь работает, каких-либо правонарушений не совершал, ни в чем аморальном или крамольном замечен не был, и, если у гестапо и были какие-либо вопросы к нему, они давно получили на них исчерпывающие ответы. Кроме того, чтобы попасть сюда на работу, он уже прошел всестороннюю проверку. Можно сказать, был насквозь просвечен. Так что гестапо потеряло к нему какой-либо интерес. А что касается остального, в смысле, как это прокатывает, что мертвый человек до сих пор считается живым, здесь уже чисто техническая сторона дела. Ну вы готовы? – нетерпеливо спросил он.

– Угу, готов, – сказал я, застегивая последнюю молнию и проверяя карманы.

– Тогда вперед.

Мы вышли в коридор через неприметную дверь, проскользнули к лифту, который предназначался только для персонала. Лифт спустил нас на стоянку каров. Забравшись уже в знакомый ярко-желтый кар, доехали по пустому городу до космопорта. Бросив кар, Холечек уверенно повел меня по лабиринтам совершенно одинаковых, абсолютно ничем не примечательных, без каких-либо указателей коридоров. Как Холечек в них не блуждая дорогу находил, ума не приложу. Дошли до таможенного терминала, но не того, через который я попал на станцию, а другого – для внутренних лунных рейсов. Холечек, ничего не говоря, подтолкнул меня к таможенному аппарату, я с опаской протянул руку с чипом к считывающему окошечку. Секунда – и дверь, ведущая в наружный тамбур, открылась, мы оказались в небольшом помещении со стенами стального цвета, по кругу шли синие шкафчики с обычными пластиковыми лавками. Холечек подставил свою руку к окошечку-индикатору возле шкафчика, мне жестом показал сделать то же самое. Я повиновался. Дверцы распахнулись. В каждом шкафчике висел гибкий оранжевый кокон скафандра. Женский металлический голос из динамика внутри шкафчика одновременно произнес одну и ту же фразу: «Скафандр готов к индивидуальному использованию, продезинфицирован и проверен на герметичность. Надежность и качество гарантирует фирма „Лезон“».

– Ну что, прошу. Одеваемся, – взмахнул руками Холечек.

Так обычно радушный хозяин предлагает дорогим гостям проследовать за празднично накрытый стол.

Ненавижу запах внутри скафандра. Как обычно, пахнет жесткой смесью хлорки, пластика, резины и еще чего-то гадкого. Натягивая на себя скафандр, я подумал: «Хоть кто-нибудь придумал бы ароматизатор для скафандра, чтобы не воняло так. Я, честное слово, голосовал бы двумя руками за то, чтобы этому парню, являющемуся настоящим изобретателем, вручили Нобелевскую премию, а то вечно придумывают всякую хрень, а вот того, что нужно, нет, от них не дождешься».

Проверив связь и поступление воздуха из небольшого баллона на спине, мы, похожие на двух оранжевых головастиков, прошлепали к переходному шлюзу. Створки люка чавкая разъехались в разные стороны. Мы, минуя шлюз санитарной обработки, вошли в прозрачный широкий коридор-рукав, многочисленные ответвления которого вели к лунным дисколетам

– самое верное средство добраться от одной базы до другой в кратчайшие сроки и при этом перевезти кое-какие мелкие грузы. Холечек уверенно свернул во второй проход, нажав еле заметную справа на корпусе кнопку, отворил люк дисколета. Небольшая кабина, судя по креслам, стоявшим по два в ряд друг за другом, вмещала шесть человек. Впереди перед лобовым стеклом была небольшая консоль управления со всевозможными кнопками, штурвалом и дополнительными вспомогательными экранами.

– Летали когда-нибудь на таких? – спросил Холечек, стаскивая с себя шлем скафандра.

– Если честно, не приходилось, но в звездном колледже изучали основы пилотирования дисколетов, – ответил я и последовал примеру Петера – снял с себя шлем и сразу почувствовал облегчение. В нос больше не бил этот ядовитый запах.

– Хотите повести?

– Нет, спасибо, – поблагодарил я. – Лучше вы. Мне бы больше хотелось спокойно поглазеть на лунный пейзаж.

– Ну как хотите, – пожал плечами Холечек, усаживаясь спереди за штурвал. – А я, если честно, люблю полетать на этой штуке.

Я плюхнулся в кресло рядом с пилотом.

– Скажите, Петер, какого рожна мы натягивали на себя эти вонючие скафандры, если везде в здании и в дисколете земная атмосфера с гравитацией.

– Техника безопасности, – ответил он, прокладывая на экране маршрут до базы «Депо сортировочное». – Раньше все летали без скафандров, но участились случаи, когда дисколеты, никоим образом не отличавшиеся особой надежностью, ломались по дороге, падали, разбиваясь о камни лунного грунта, теряя герметичность, и люди, не имея скафандров, погибали жуткой смертью в каком-нибудь лунном кратере, так не дождавшись помощи. Нескольких таких несчастных случаев хватило, чтобы ввести обязаловку. Без скафандра в дисколет ни-ни. Очень большой штраф.

– Хорошо, тогда такой вопрос: за то, что мы стянули с себя шлемы, нас не нахлобучат?

– Нет. Главное, что мы следуем инструкции по технике безопасности. Зашли в дисколет и выйдем из него в скафандрах. Если же дисколет, не дай бог, грохнется, а мы не успеем вовремя надеть шлемы и погибнем, то сами виноваты. Нашим семьям просто не выплатят положенную в таких случаях страховку. Мне без разницы – у меня семьи нет. А водить дисколет я люблю дыша полной грудью.

Я кивнул головой, в случае моей смерти страховку тоже некому получать.

Перещелкивая цветные клавиши тумблеров, Холечек запросил диспетчерскую. После обмена любезностями, диспетчерская дала нам разрешение на взлет. Дисколет отделился от рукава шлюза как от пуповины, чуть пробежав по взлетке, рванул вверх, в разрешенный диспетчером воздушный коридор. Быстро набрав нужную высоту, чуть гудя двигателями, дисколет выровнялся, и полет продолжался параллельно лунной поверхности.

– Нам долго лететь? – спросил я.

– Минут сорок.

– А вы что, Петер, автопилот не включаете?

– Нет, люблю сам все контролировать. Ну согласитесь, Штефан, только тогда получаешь истинное удовольствие от полета, когда сам ведешь аппарат.

Имя Штефан с непривычки резануло мои барабанные перепонки, но, с другой стороны, все правильно: я отправляюсь на Олерон под именем Штефан Дорн, вот и будь любезен откликаться на это имя, а не на другое. Поначалу я во все глаза таращился на лунный пейзаж, но он был настолько сер и неинтересен, что я быстро заскучал, веки мои наливались свинцовой тяжестью, и в конечном итоге я вырубился – сказалось раннее вставание и недосып. Правда, долго поспать мне Холечек не дал.

– Вон смотрите, Штефан, как раз то, о чем я вам говорил, – больно ткнул он меня локтем в бок.

Я разлепил глаза, глядя туда, куда указывала рука старшего санитара. Внизу в одном из кратеров лежал расколотый надвое серебряный диск с бортовым номером тридцать два, начертанным красной, светящейся в полумраке краской на корпусе дисколета. Разбитая вдребезги кабина, два пассажирских кресла, вырванные из кабины, зарылись в лунную пыль, рядом валялись еще какие-то вещи, выброшенные при ударе. Из самого корпуса, как части скелета, торчат в разные стороны разорванные трубопроводы.

– Да, печальное зрелище. Жертвы были?

– Пять человек – семья с двумя детьми и пилот. Люди зафрахтовали дисколет, хотели своим детям Луну показать такой, как она есть. Двигатели отказали – и вот итог.

– Давно это случилось?

– Да где-то уже как с полгода назад.

– А почему дисколет не убирают?

– А зачем? Аппарат восстановлению не подлежит, а транспортировка и утилизация слишком дорогое удовольствие, оно того не стоит.

– Ясно, – сказал я, провожая обломки взглядом.

– Штефан, вы ведь не завтракали. Хотите есть?

– Если честно, не отказался бы.

– Вот возьмите, – порывшись левой рукой в своей сумке, он достал термос с кофе и сверток с бутербродами.

Я открыл крышку термоса. Легкий дымок вместе с потрясным ароматом горячего, недавно заваренного кофе поплыл по кабине. Налив дымящегося напитка в кружку, предложил Холечеку:

– Петер, вы будете?

– Нет, Штефан, спасибо, не хочу. Сегодня утром я очень плотно позавтракал, а вы ешьте, пожалуйста, не стесняйтесь.

Развернув промасленную бумагу свертка, я обнаружил в нем бутерброды – белый пшеничный хлеб щедро намазан желтым сливочным маслом, сверху на свежайшем рассыпчатом хлебушке возлегали тоненькие ломтики розовой, слегка подкопченной ветчины. Пальцы, державшие бутерброд, сразу стали жирными. Аромат непередаваемый. Я чуть не подавился собственной слюной. Не в силах больше сдерживаться, я вгрызся в это великолепие, откусив большой кусок.

М-м-м… боже, как вкусно. Так, теперь глоток горячего, обжигающего натурального кофе, чтобы все лучше проскакивало в желудок, как можно быстрее минуя пищевод. Великолепно! Нет, бог точно есть, и уверяю вас, ради таких моментов стоит жить.

– Откуда такое великолепие? – спрашиваю я Петера с набитым ртом.

– Контрабанда с Олерона, – улыбаясь отвечает он.

– Просто невероятная вкуснотища. Я, честно говоря, в столовке вашей клиники чуть вконец не отощал и уже совсем перестал верить в чудеса кулинарии. Еще немного, и я стал бы кулинарным атеистом. Спасибо, Петер, вы просто возродили меня к жизни.

Я так увлекся, что не заметил, как на бумаге остался сиротливо лежать только один, последний бутерброд. Мне стало очень стыдно за себя, что я такой оглоед.

– Извините меня, Петер, так было вкусно, что я не смог остановиться.

Холечек посмотрел вначале на мою сконфуженную рожу, потом на сверток. И расхохотался. Отчего мне стало еще больше стыдно за свою несдержанность.

– Да бросьте конфузиться вы так, Штефан. Живенько доедайте, да и дело с концом. Ну я честно не хочу, доедайте, ради бога.

Особенно уговаривать меня не пришлось, последний бутербродик бесследно почил в моей утробе. После насыщения настроение сразу улучшилось и поднялось на несколько градусов вверх, скафандр не так уж и дурно пах, лунный пейзаж за бортом из серого, ничем не примечательного сразу превратился в занимательный, немного загадочный, и вообще все не так уж плохо – в который раз замечаю, как мало человеку надо.

Меня опять развезло, теперь уже от сытой истомы. Но, к сожалению, поспать не удалось, на горизонте показался громаднейший, поражающий воображения купол базы «Депо сортировочное», во много раз превышающий по размеру купол станции СТК 3, рядом сверхгигантский космопорт. В небе то и дело сновали юркие шаттлы и небольшие звездолеты класса двухпалубных сухогрузов. В отличие от больших транспортных эти звездолеты брали на борт небольшое количество грузов, но доставляли их от космопорта одной планеты до космопорта другой, им не нужна была помощь шаттлов при погрузке и разгрузке.

Холечек связался с диспетчером, тот посадку пока не разрешил, сказал, что надо немного подождать, покружить возле космопорта, объясняя это тем, что сейчас на орбите грузится большой транспортный звездолет, много шаттлов участвует в погрузке, поэтому взлетка пока занята.

– Где-то там внизу, – Холечек указал на космопорт, – корабль контрабандистов «Зеленая акула», на котором вы, Штефан, отправитесь на Олерон.

– А почему зеленая акула? Разве бывают зеленые акулы?

– Это не ко мне, – улыбнулся Петер. – Это к хозяину корабля, возможно, ему посчастливилось увидеть зеленую акулу, ну и решил таким образом увековечить память о таком незабываемом свидании.

– А как я попаду на этот чудо-корабль?

– Вместе с бригадой докеров. Когда попадете на корабль, скафандр не снимайте. Экипаж не должен видеть ваше лицо ни в коем случае. Запомните это, ни в коем случае, – повторил он еще раз. – И никаких контактов. Дело в том, что периодически контрабандистов все-таки берут за задницу и трясут как грушу. Естественно, они, как на Страшном суде, рассказывают все – кого и что возили, когда и как. А некоторые работают как двойные агенты, делясь информацией и с повстанцами, и с гестапо. За это им разрешают вести их незаконный промысел. А отдельные типы вообще действуют как подсадные утки. Поэтому, чтобы хоть как-то обезопаситься, у нас с ними разработан целый свод договоров и обязательств, которому они должны неукоснительно следовать. Например, когда перевозят пассажиров, у них должна быть отдельная каюта со всеми удобствами и с провиантом на дорогу, в которую они ни под каким, даже самым благовидным предлогом не кажут своего носа весь полет, и пока вас не примут повстанцы, ваша каюта для них запретная зона, так же, как и сам пассажир. То же самое касается грузов. За провоз пассажиров и грузов мы им платим очень неплохие деньги. Поэтому за нарушения их обязательств по договору им грозит смерть.

– Да, жестко, но справедливо.

– Дальше, Штефан. Попав на корабль в свою каюту, вы не снимаете скафандр, пока не включите вот эту штуку, – он достал из сумки и протянул мне уже знакомую серебристую коробочку, которую в свое время включал у меня в комнате дядя Роланд во время нашего последнего разговора. – Знаете, что это такое? – спросил Холечек.

– Приходилось встречаться. Это глушилка подслушивающих и подсматривающих устройств.

– Все правильно. До конца вашего путешествия она должна быть постоянно включена, пока вы снова не наденете скафандр и не попадете к встречающим вас.

– С этим мне все понятно. Скажите, Петер, я слышал, на Олероне создается интернациональная бригада из добровольцев, готовых воевать на стороне повстанцев.

– Да, есть такое. Вы понимаете, Штефан, что вы в своем желании свернуть шею Рейху не одиноки. Все больше людей, живущих в Рейхе, начинают осознавать неправедность этой войны, когда людей убивают только за то, что они хотят жить по-другому, по-своему. Люди с обостренным чувством долга, справедливости и твердой жизненной позицией, у которых в голове мозги, а не набор из мишуры националистических клише и лозунгов, понимают, что Рейх, погрязший по самые уши в коррупции, когда большинство, работая с утра до ночи, с трудом перебиваются, получая гроши, считая каждую копейку, обслуживают крохотную верхушку, которая жирует, живя над законом и плюя на закон.

Они – эта самая верхушка, – прировнявшие себя к богам, забыли, что есть не только божьи, но общечеловеческие каноны, считая простых граждан идиотами, никчемным быдлом, просто придатками, созданными, по их мнению, лишь для того, чтобы они, боги, могли вкусно есть и сладко спать, милостиво разрешая им обеспечивать себя и ухаживать за собой.

Корпорации и банки, принадлежащие этой же самой верхушке, вконец обалдевшие от своей полной безнаказанности и сверхприбылей, обдирающие рядовых граждан как липку, готовы смешать с грязью, затоптать любого, кто не согласен с таким мироустройством. А депутаты сената – эти жадные, подлые, двуличные, бесхребетные приспособленцы, эти сладкоречивые подонки, избранные из каждого протектората в сенат для того, чтобы отстаивать интересы своего народа, за возможность подбирать крохи со стола олигархов быстренько забывают об обещаниях, данных своим избирателям, дружно голосуют за такие законопроекты, что волосы становятся дыбом, лишь бы угодить власть имущим.

Рейх – с его человеконенавистнической политикой, неприятием чужих мнений и желаний, превосходством одной расы над другими, делением людей по национальному признаку – насквозь прогнил, и Олерон станет тем поворотным моментом, тем отправным пунктом, когда Рейх все-таки поскользнется и расшибется в пух и прах, а верхушке Рейха и ее приспешникам наконец выпустят кишки. Поэтому и появились такие люди, готовые драться и отдавать свои жизни за светлое будущее всего человечества, за честь, за справедливость. Среди них, как ни странно, много немцев и даже англосаксов – людей, которым по рождению дано право считаться высшей расой и которые, казалось бы, могли быть довольны своим привилегированным положением в обществе.

– И они все, чтобы вступить в интербригаду, добираются до Олерона так же, как я?

Холечек внимательно посмотрел на меня.

– Каждый по-разному, у каждого свой путь, – ответил он уклончиво. – Но если есть желание и четкое понимание того, чего ты хочешь, то человек обязательно найдет свою дорогу.

Наконец диспетчер космопорта дал добро на посадку. Мы пробежались по полосе и примкнули к одному из многочисленных рукавов шлюзов. Перед тем как надеть шлем, Холечек сказал:

– Сейчас мы пройдем таможенный контроль, после этого я передам вас под опеку нашего парня – докера, который в обход таможенной системы проведет вас на корабль. Таким образом для всех будет считаться, что Штефан Дорн находится здесь, на базе «Депо сортировочное». Понятно? Яр Ковалефф остается в клинике СОМНО на СТК 3, Штефан Дорн будет находиться на базе «Депо сортировочное».

«Интересно, кто же тогда летит на Олерон? Вот это задачка», – подумал я про себя.

– Ну что, Штефан Дорн, удачи вам и ждем вас через месяц, – Петер протянул мне руку.

– Спасибо вам, Петер, за все и, ради бога, еще раз извините за бутерброды, я не со зла.

– Ну что вы, Штефан. Я счастлив, если вам понравилось, было вкусно и вы получили удовольствие.

– Еще какое.

Рукопожатие в перчатке скафандра получилось неуклюжим, довольно забавным, но очень теплым. Старший санитар Холечек мне начинал нравиться.

Мы надели шлемы и вышли из дисколета. Опять уже знакомая процедура прохождения таможенного аппарата. Опять долго плутали по лабиринтам коридоров, пока не оказались в небольшой комнатушке-подсобке, заваленной всяким хламом, где нас поджидал, сидя на лавке, облокотившись о стенку, раскинув широко ноги, человек в оранжевом скафандре докера. Я так понял, это и был тот парень, который должен переправить меня на корабль.

– Ну и сколько можно ждать? – вместо приветствия сразу наехал он.

– Извини, Марк, долго посадки не давали.

– Не давали им. Значит, раньше надо вылетать, спать надо меньше, чтобы вовремя прибывать на место. Я тоже здесь не могу целый день торчать, ожидая пока его святейшества соблаговолят появиться. У меня, кроме вас, дел и обязанностей вагон и маленькая тележка, – ворчал Марк.

– Ну все заканчивай, Марк, хватит, что ты ворчишь как старый дед. Извини. Больше такого не повторится, принимай человека и проводи куда следует.

Марк поднялся с лавки, буркнул:

– Пошли за мной и не отставай, – зашагал вперед, не оборачиваясь, совершенно уверенный в том, что я следую за ним.

Я махнул рукой на прощание Петеру и поспешил за Марком. Еще немного поплутав, Марк толкнул неприметную дверь с надписью: «Только для персонала», и мы вышли в шахту-туннель, по которой туда-обратно сновали погрузчики и кары с грузом. Возле ближайшей стены стоял обшарпанный погрузчик. Мы по лесенке забрались в высокую стеклянную кабину. Марк, взявшись за руль, щелкнул на приборной панели какой-то тумблер, приборная доска ожила. Марк, переключив скорость, нажал на газ. Погрузчик издал странный хрюкающе-визгливый звук, весь затрясся, напоминая больного, подхватившего неизлечимую форму лихорадки, немного задумался, а потом – как будто кто-то дал ему хорошего пинка под зад, тем самым придав нужное ускорение, – сорвался с места и как оглашенный рванул вперед, врываясь в нескончаемую ленту мчавшихся по своим делам каров.

Получилось чересчур лихо, потому что, вливаясь в общий поток, Марк умудрился подрезать грузовой кар, сзади раздался душераздирающий визг тормозов, а в наушниках скафандра – мат. Водитель кара, не стесняясь в выражениях, довольно витиевато обвинял Марка в нестандартной сексуальной ориентации, достаточно нелестно высказываясь о его, Марке, матушке, батюшке и о всех его родственниках вместе взятых. А также выказал свое крайнее недоумение и глубокое сожаление по поводу того, что родители Марка своевременно не воспользовались контрацептивными средствами защиты. Марк, сохранявший олимпийское спокойствие, пропустил все эти нелицеприятные высказывания в свой адрес мимо ушей, просто сжав левую руку в кулак, вытащил средний палец и, открыв окошко кабины, показал водителю кара всем с детства знакомый жест, обозначающий сами знаете что, чем заслужил в свой адрес новую порцию изощренных ругательств и твердое обещание натянуть его глаз на жопу. Правда, как он это сделает и как после этого действа будет выглядеть сам Марк, водитель не уточнил.

Из туннеля мы, трясясь и слегка подпрыгивая, вырвались на оперативный простор космодрома – боже, какая эта махина! Самое интересное, я ждал, что лунное притяжение, которое меньше земного, сыграет с нами злую штуку: как мы только выедем из шахты туннеля космопорта, наши тела в кабине от перепада подпрыгнут вверх. Поэтому, чтобы предостеречь неприятный инцидент, заранее пристегнулся. Заодно поинтересовался у Марка, почему он игнорирует эту меру. Марк, уверенно лавировавший между припаркованными звездолетами, шаттлами, погрузчиками, заправщиками и грузовыми карами, на секунду оторвавшись от руля, мельком посмотрел на меня, коротко бросил, продолжая свое филигранное маневрирование:

– Это лишнее, под всей бетонкой космодрома создано искусственное земное притяжение.

Марк подкатил к небольшому двухпалубному звездолету, на борту которого красовалась фосфоресцирующая громадная достаточно симпатичная зеленая акула с хитрым прищуром

глаз, с грациозно изогнутым гибким телом и с разинутой пастью в три ряда белоснежных зубов, и, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений по поводу того, кто в действительности был изображен на борту, зеленой же краской, готическими буквами было выведено название корабля: «Зеленая акула».

Я засмотрелся на зеленую хищницу. «Ну точь-в-точь Кейша, как будто с нее писали», – подумал я, мысленно сравнивая изображение с оригиналом, я имею в виду с Кейшей. Вообще-то это только так этот звездолет считался небольшим – на самом деле очень огромная штуковина, и грузов на борт брал немало. Стоял он перпендикулярно лунной поверхности, подпираемый гигантскими опорами, аппарель люка заднего грузового отсека была откинута и покоилась одним концом на бетонке космодрома, являясь тем самым трапом, по которому в брюхо звездолета погрузчики доставляли грузы, которые время от времени подвозили грузовые кары.

Марк с ходу зацепил манипуляторами контейнер, который только что привез со склада космопорта кар, и мы по аппарели заехали в пещеру грузовой палубы корабля, доехав до конца палубы, заскочили в лифт, поднялись на вторую грузовую палубу.

– Все, приехали, – сказал Марк, выехав из лифта и тормозя погрузчик. – Как добраться до кубрика с каютами, знаешь?

Я кивнул.

– Свободен.

Я слез с погрузчика, и Марк тут же громыхая укатил в дальний конец палубы, пристраивая контейнер. Я же свернул налево, поднялся на несколько ступенек к лифту, которым пользуется экипаж, нажал на кнопку, на которой было написано: «Кубрик». Лифт, убегая у меня из-под ног, поднял меня вверх, створки шлюзовой перепускной камеры разъехались. Из камеры я попал вначале в небольшую комнатушку – блок санитарной обработки, а затем в гардеробную, где экипаж на случай спуска на грузовые палубы или же выхода на поверхность в агрессивную среду надевает скафандры. Здесь же в особом шкафу хранились всевозможные инструменты, которые могли время от времени понадобиться экипажу при мелких ремонтных работах. За дверью находился коридор, в нем располагались каюты для экипажа, заканчивался коридор дверью, которая скрывала капитанский мостик, откуда экипаж управлял судном.

Вступив в совершенно пустой коридор, я буквально кожей почувствовал, что за мной кто-то внимательно наблюдает, еще выработанное на фронте чувство, заранее предупреждающие меня об опасности, сработало и подсказало: «Будь внимателен, ты под чьим-то пристальным присмотром». Но, с другой стороны, что следившие за мной могли увидеть – неуклюжую фигуру в оранжевом скафандре, бредущую по коридору в поисках нужной каюты, поди разберись, кто это такой. Кстати о каюте, я как-то забыл спросить, как мне найти нужную. Что же мне сейчас носом тыркаться в каждую дверь как слепой котенок? Нет, экипаж оказался крайне предупредительным, на одной из дверей висела красная табличка «Для гостей».

Я толкнул дверь. Она оказалось не заперта. Оказавшись в типовой каюте, которая отличалась от других только присутствием здорового холодильника и вакуумной печи для разогрева полуфабрикатов. Я сразу, по настоятельному совету Холечека, включил серебряную коробочку, лишь только после этого с облегчением стащил с себя уже порядком поднадоевший мне скафандр и мстительно запихал его в шкаф. На прощание от всей души пнул его ногой. Открыл холодильник: стандартный набор из субпродуктов, которые после сказочной ветчины из свертка Холечека совсем не возбуждали во мне никакого аппетита. Вытащил из холодильника прохладную малипусенькую запотевшую бутылочку кока-колы, как называла мама сей разрекламированный еще издревле напиток – «пойло для идиотов», отпил пару глотков, пузырьки радостно ударили в нос.

Еще раз с тоской оглядев каюту, в которой мне предстояло безвылазно тусоваться целых пять дней, завалился на койку, жалобно всхлипнувшую подо мной, и задал сам себе извечный вопрос: «Что делать?» Есть не хочу, пить не хочу, копаться в своей голове, забавляясь чужими

воспоминаниями, тоже не хочу, а что же я хочу? Оказывается, вообще ничего, такой вот я великий нехочуха. В конечном итоге под мысли, а чем же я буду заниматься все эти пять дней во время полета, я заснул и даже не заметил, как закончилась погрузка и «Зеленая акула» стартанула с лунной базы «Депо сортировочное», хищно облизнувшись, начала жадно пожирать парсеки космического пространства.

Это был один из самых скучных моих полетов. Книг не было, гологравизор показывал всякую дребедень, в основном мыльные оперы и несколько абсолютно безмозглых, без какого-либо мало-мальского сюжета боевиков. Не знаю, какой дебил составлял фильмотеку на этом корабле, но по этому поводу я выдвинул свою личную гипотезу. Возможно, список фильмов составляли не случайно, а специально, чтобы пассажиры, отправляющиеся на Олерон, во время полета насмотревшись этой хрени, отупели окончательно, превратившись в законченных имбецилов, и не смогли нанести хоть какой-нибудь ощутимый вред Рейху. Здесь я видел явные происки сторонников герра Канцлера и сподвижников Рейха. По кораблю прошвырнуться нельзя, даже в коридор, пришлось все дни тупо отсыпаться и вдоволь, до отвращения отъедаться невкусной едой.

Наконец я почувствовал, как звездолет заходит на посадку. И хотя в каюте не было иллюминаторов, можно было на все сто процентов утверждать – мы садимся на Олерон. Как только я понял, что звездолет начинают разгружать, достал из шкафчика и начал натягивать на себя ненавистный скафандр. Мне даже показалось, что теперь он, в свою очередь, очень мстительно улыбался и даже откровенно, хотя и абсолютно беззвучно издевался надо мной, от всей своей «скафандровой души» хохоча, радуясь своей маленькой победе. «Ничего, оранжевый сучонок, хорошо смеется не тот, кто последний, а тот, до кого позднее всех доходит. Понял?» Мне показалось, что скафандру мое замечание не понравилось, он перестал ржать и задумался. «Вот так, будешь знать, как смеяться надо мной».

– Стоп, стоп, стоп, – остановил я себя. – Я что, разговариваю со скафандром? Ты что, Яр, совсем с ума спятил? Пять дней ты был заперт в каюте, оставшись один на один с собой, и, не найдя себе лучшего собеседника, решил пообщаться с этим оранжевым чмом. Тебе лечиться надо, шизик.

Хотя опять же, где-то я читал, что, когда человека помещают в одиночную камеру, он сначала, чтобы не было так скучно, начинает разговаривать сам с собой, а потом по истечении некоторого времени у него шарики за ролики заскакивают и он по-тихому сходит с ума, потому что еще неизвестно, что такого страшного ты мог рассказать самому себе и какую правду-матку резануть. Короче, бегом на волю, к людям.

Я шагнул в коридор, он, как в первый день нашего знакомства, был совершенно пуст, и опять меня посетило тоже самое чувство, что за мной внимательно наблюдает как минимум пара внимательных глаз. Выходил я из корабля почти тем же самым маршрутом, что и заходил в него. Отличие состояло только в том, что на пассажирском лифте я спустился до первой грузовой палубы, здесь уже вовсю суетились несколько небольших погрузчиков, которые резво хватали, казалось, неподъемные для них грузы и тащили их из недр корабля наружу, этим они очень напоминали деятельных муравьев. Выйдя через распахнутую аппарель мимо снующих погрузчиков, ступил на бетонку космопорта.

Космопорт был совсем маленький, какой-то местечковый, невдалеке находилось стеклянное здание в три этажа для наземных служб и персонала, но чего-то не хватало. Рядом на разгрузке стояли еще два звездолета, облепленные небольшими погрузчиками. Наконец до меня дошло чего не хватает, я совсем не увидел складов, ни одного даже самого маленького ангара. А куда же исчезают грузы? Ответ получил сразу же, как скосил свой взгляд влево: погрузчики с грузами, пристроившись друг за другом в длинную очередь, уезжали под землю, видимо, все складские помещения находились именно там. Оттуда же выезжали уже опустошенные погрузчики, деловито следовавшие за новой порцией груза. Я взглянул на палящее

вовсю олеронское светило, на марево, плывущее над колесами погрузчиков и бетонкой космопорта, и сильно обрадовался, что я в скафандре. На поверхности было настоящее пекло, а в скафандре с его микроклиматом мне было очень комфортно, и жары я не ощущал никоим образом. «Вот видишь, я же говорил, что я необходим», – мысленно вякнул скафандр. Я его также мысленно поблагодарил, но послал в жопу и порекомендовал немедленно заткнуться, что он и сделал, правда с некоторой обидой.

Метрах в ста от меня стоял боевой сепаратистский джип «Патриот», раскрашенный под светло-зеленый камуфляж, с затонированными бронированными стеклами и башенкой крупнокалиберного пулемета на крыше. Возле джипа стояла маленькая, худенькая, черноволосая девушка в зеленой форме и махала мне рукой. Поскольку рядом никого, кроме меня, больше не было, я так понял, что махала она все-таки мне, из чего я сделал вывод, что она тот человек, что встречает меня. Подойдя к ней ближе, я увидел не молоденькую девушку, а взрослую женщину лет тридцати пяти с погонами майора. Она не была красива, но притягательность ей придавали очень живые, властные, карие глаза, в глубине которых жила глубокая печаль. О том, что женщина перенесла какую-то трагедию, говорили чуть опущенные уголки плотно сжатых губ и седая прядь в иссиня-черных волосах, подстриженных под каре.

– Штефан Дорн? – обратилась она ко мне таким голосом, что несмотря на ее маленькую худую фигурку одной фразой и взглядом сумела сразу расставить все акценты и приоритеты, моментально обозначив, кто здесь руководитель, а кто подчиненный, отделив меня от себя невидимой пограничной полосой, которую я не должен даже помышлять переходить.

Ее голос, ее манера держаться, прямая спина сразу выдавали в ней очень сильную, неординарную, несгибаемую личность. Обычно когда такие люди входят в комнату, то все находящиеся там невольно вскакивают, им становится неуютно и сразу хочется встать по стойке смирно. А затем, не рассуждая и не задумываясь, выполнять любое распоряжение этого человека. Я после ее то ли вопроса, то ли утверждения о том, кем я являюсь, чуть сам не вытянулся в струнку и руки по швам, но вовремя одернул себя, не дав сработать выработанным армейским инстинктам, вспомнив, что Штефан в армии не служил. Ответил просто, немного пельменисто, как штатский:

– Да, так и есть, я Штефан Дорн.

– Майор Алена Бортко, – козырнула она и тоном, не терпящим возражений, продолжила: – Садитесь в машину.

Открыв дверцу, я усадил себя на жесткое заднее сиденье. Алена присела рядом со мной. За рулем сидел крепкий мужчина в звании сержанта, лица его я не видел, только стриженый загорелый затылок, поломанные уши и бычью шею, из чего я сделал вывод, что сержант не просто водитель, этот парень серьезно занимается единоборствами, а еще наверняка является телохранителем Алены.

– Здравствуйте, – он, не поворачивая головы, вежливо поздоровался со мной.

– Добрый день, – ответил я.

– Сереж, трогай, – вполголоса приказала Алена.

Я снял шлем, в нос ударил запах свежей краски, раскаленного на солнце металла, кожи сидений, смазки боеприпасов. Я с интересом огляделся, раньше я видел сепаратистские джипы только разбитые, а тут оказался в целой боевой машине бывшего неприятеля. Два места спереди, одно из которых шоферское, на заднем диване, где мы сидели с Аленой, могли спокойно поместиться трое довольно крупных людей, посередине между водителем и задними пассажирами находилось еще одно небольшое кресло для стрелка, которое было продолжением башенки с пулеметом и могло крутиться вместе с башенкой на все сто восемьдесят градусов, обеспечивая тем самым возможность кругового обстрела. Рядом возле кресла слева и справа в строгом порядке закрепленные в специальные пазы стояли цинки с боеприпасами. Вообще-то внутри джип был сделан довольно грубовато, топорно, без изыска и особого комфорта,

не то что рейховские хаммеры, но я очень хорошо помню, с каким уважением и восхищением говорили о сепаратистских джипах наши ротные механики, что по проходимости и живучести на поле боя им не было равных. Как машина сопровождения «Патриот» был идеален.

Пока я рассматривал внутренне убранство джипа, Алена внимательно разглядывала меня. В ее проницательном взгляде читался чисто профессиональный интерес ко мне: кто я, из чего я сделан и что во мне такого важного, что меня с Земли прислали в их разведшколу. И совсем не на цент интереса женского ко мне как мужчине. Штефану Дорну на это было плевать, но Яра Ковалеффа, привыкшего к постоянному вниманию женского пола к своей персоне, это зацепило. Мое мужское эго было задето, и я даже почувствовал легкий укол обиды.

«Ну и подумаешь, очень надо. Тоже мне, царица Савская». Хотя… что-то в ней определенно было и это что-то притягивало.

– Скажите, Штефан, вы были когда-нибудь на Олероне? – как бы вскользь поинтересовалась она.

Ответ на этот вопрос я знал. Штефан Дорн нигде дальше Луны не был. О чем я Алене и поведал. Ответ ее удовлетворил, составив, по-видимому, обо мне свое первое, как мне показалось, далеко не лестное для меня впечатление, она отвернулась и стала смотреть на дорогу. Я же, памятуя, что Штефан Дорн человек технически подкованный и любая техника для него представляла интерес, начал живо интересоваться у водителя начинкой джипа: какова мощность и сколько цилиндров у двигателя, а все ли три моста ведущих и можно ли их все блокировать, а как работает пневмоподвеска, ну и так далее. Я выстреливал свои вопросы как из пулемета. Водитель Сергей только успевал отвечать на них, правда, было видно, что делал это с удовольствием. Он как каждый шофер-профессионал очень любил и хорошо, до последнего винтика знал свою машину. И поэтому говорить о ее достоинствах мог часами. За разговорами с прямого полупустого шоссе мы свернули на проселочную дорогу всю в ухабах.

– Аккуратней, Сереж, не гони, не дрова везешь! – грозно попросила Алена, вцепившись в меня, после того как водитель, наверное, желая мне продемонстрировать все преимущества своего джипа в езде по бездорожью, прибавил газу, и нас с Аленой начало подкидывать на заднем диване аж до потолка. После окрика Сергей послушно убавил газ до минимума, и дальше мы поплелись как черепахи. Наступил полумрак – это мы въехали на лесную дорогу, сама дорога стала поровней, и водитель решился ехать побыстрей, мимо нас замелькали исполинские стволы деревьев, а между ними мягкий ковер из бурого мха.

Сразу вспомнилось, как мы с Алексом вот точно по такому же лесу тащили на себе фельдмаршала Ребендорфа, а эта пьяная скотина, удобно усевшись у меня на спине, давала нам абсолютно безмозглые советы и противоречивые, взаимоисключающие приказания. «Алекс, Алекс как же так, друг мой, я снова здесь, на Олероне, а ты сейчас лежишь много миллионов километров отсюда, так далеко, что даже не видно, в тесной могиле присыпанный землей. Ведь косвенно это я виноват в твоей смерти, это я тебя притащил за собой на эту чертову планету, и это будет глодать меня изнутри всю мою оставшуюся жизнь. Ты всегда оберегал меня. И в последний момент не задумываясь прикрыл меня собой, перехватив пулю, предназначенную мне. Если бы я только мог повернуть все назад, если бы только мог…» На глаза навернулись слезы.

– О чем, Штефан, задумались? – вопрос Алены заставил меня оторваться от моих мыслей.

– Да так, в первый раз такие большие деревья увидел, – соврал я первое, что пришло на ум, и сильнее прилип к смотровой щели, чтобы, не дай бог, Алена не видела моих глаз. Выехали на огромную поляну, перед нами возник высокий бетонный забор, возле ворот две башни для часовых с бойницами, из которых торчали направленные на дорогу стволы пулеметов, за забором виднелось здание из красного кирпича с маленькими, тоже узкими, как бойницы, окошками. Весь этот архитектурный комплекс очень напоминал средневековый замок. Вышел часовой, проверил документы, козырнув, вытянулся перед Аленой и махнул рукой:

– Проезжайте.

Здание построено действительно было хитро и внутри еще больше напоминало замок. За забором внутри периметра перед самим зданием, огибая все здание своеобразным кольцом, шел двор, который являлся полосой отчуждения, просматриваемой и простреливаемой со всех сторон. В само здание к арке въезда, являющейся заодно еще одним контрольно-пропускным пунктом, вела узкая каменная дорога. Здесь нас опять остановили автоматчики. Более тщательно осмотрели машину, сверили пропуск и документы и только после этого разрешили заезжать во двор. Внутри здания двор был тоже очень странным: во-первых, во двор не выходило ни одно окно, только присутствовали камеры слежения, сам двор был перегорожен на две части мощной стеной, в стене была вмурована маленькая, узкая дверца, соединявшая разделенный двор, что происходило по ту сторону забора, мне пока было неизвестно. По эту же сторону было крыльцо в пять ступенек, ведущее в главный вход здания. Слева в каменных арках стоянка для машин. Мне очень понравилось, что весь комплекс находился в тени деревьев и на улице царил легкий, спасительный полумрак. Водитель нас подвез не к центральному входу, а к дверце в стене.

– Все. Спасибо, Сереж, на сегодня все, свободен. А мы с вами, Штефан, выходим, – обратилась она ко мне.

Выйдя из машины, мы подошли к дверце, никакой ручки или скобы на ней не было. Алена дала сканировать сетчатку своего глаза индикатору, скрытому в стене, дверь бесшумно распахнулась, и мы уперлись еще в одну стену, направо и налево был проход в здание, каждый из которых заканчивался дверью. Прямо лабиринт какой-то. Алена повернула направо, подошла ко входу в здание, снова индикатор сканировал ее сетчатку, и снова дверь автоматически, беззвучно открылась, пропуская нас в здание. Коридор с лестницей, ведущей наверх, сразу окутывал своей прохладой, давая облегчение от жары, стоявшей на улице. «Отвык я от твоего знойного климата, Олерон». Возле двери за столиком сидел часовой в камуфляже, в звании младшего лейтенанта, при появлении Алены он резко вскочил и отдал честь:

– Здравие желаю, товарищ майор. Разрешите доложить? За время вашего отсутствия никаких происшествий не было. Дежурный по разведшколе младший лейтенант Драгон Митич.

– Вольно, – выдохнув одними губами, приказала Алена.

Алена начала подниматься по лестнице, а я засмотрелся на дежурного. Высокий, черноволосый, смуглый, подтянутый парень, по нескольким им сделанным плавным, мягким, кошачьим движениям туловища и движениям рук, по набитым косточкам на руках, именуемым кентусами, сразу заметно – передо мной неплохой боец. На поясе кобура, откуда выглядывает рукоятка «Глока 809» – в ближнем бою очень серьезное и страшное оружие, но мое внимание привлекло не это. Воротник камуфляжа у лейтенанта расстегнут на две пуговицы, на волосатой груди мелькнул православный крестик, а под левым глазом, на лицевой кости была вытатуирована злющая, оскалившаяся, готовая вот-вот ужалить пчела. Не все повстанцы носили православные кресты. Но те, у которых были православный крестик на груди и пчела под левым глазом, принадлежали к особому роду войск – элитное подразделение четники, их даже эсэсовцы боялись как огня, не то что простые звездпехи. Эти парни, презирая смерть, ходили в атаку в полный рост, никогда не кланялись пулям и в рукопашной схватке были страшны. Четники – это ночной кошмар для солдат Рейха. Мне против них, слава богу, воевать не приходилось. Но об этих бойцах в солдатской среде ходили всевозможные слухи и легенды. Говорят, рота четников запросто могла заставить ретироваться с поля боя в спешном порядке батальон эсэсовцев. Я первый раз увидел четника так близко.

– Штефан, вы идете? – спросила Алена, уже поднявшись на пару ступенек вверх.

– Да, да конечно, – поспешил я за ней. – Красивый парень.

– Понравился, что ли? – улыбнулась Алена. – У вас, Штефан, как с ориентацией, все в порядке? – спросила она меня едко, заставив густо покраснеть.

«Господи, что она обо мне думает?!»

– У меня с ориентацией все в порядке, и нравятся мне только женщины, – зло ответил я. И решив хоть как-то оправдать свой интерес к лейтенанту, я спросил, прикинувшись чайником:

– Просто интересно, почему у него пчела на щеке под глазом и что значит эта татуировка?

– Ах это. Никогда не видели? – она остановилась, повернулась ко мне и внимательно, изучающе заглянула в мои глаза. Что она там пыталась разглядеть? Но почему-то ее взгляд долго выдерживать было тяжело, он выворачивал тебя наизнанку, и становилось как-то не по себе. – Ну да, вам, как человеку штатскому, многое не понятно, – продолжила Алена, – но все узнаете в свое время. Обещаю. Пойдемте.

Мы поднялись на второй этаж, свернули налево. Светлый коридор, в котором все двери были с правой стороны. Дошли до двери под номером четыре, Алена распахнула ее.

– Заходите, – приказала она мне.

– Только после вас, – ответил я, слегка поклонившись.

Не то чтобы я пытался проявить галантность и этим хоть как-то понравиться Алене, пытаясь сгладить ее впечатление обо мне, нет, просто мама меня так учила: женщину пропускать вперед, подавать ей руку, помогая спуститься вниз или перейти через лужу, а когда идешь перед спектаклем по рядам к своему месту, ни в коем случае не поворачиваться к людям задом – это неприлично. Зевая, прикрывать рот ладонью или платком, уступать женщинам и пожилым людям место в общественном транспорте, есть при помощи ножа и вилки, не харкаться, не ковырять пальцем в носу, ну и многое, многое другое, без чего никак, как мне кажется, не может обойтись ни один уважающий себя молодой человек.

Правда, многое из того, что я перечислил, в Рейхе давно считается пережитком, а кое-что некоторые чересчур экзальтированные дамы даже сочтут за сексуальное домогательство. Но мама всегда говорила так: «Есть правила поведения в обществе, есть этикет, который обязателен для каждого приличного человека. Тем более, сынок, ты являешься предком Ковалеффых, а значит, носителем древней культуры, поэтому, несмотря ни на что, будь добр выполнять все то, чему я тебя учила, чтобы мне никогда за тебя не было стыдно».

Алена все восприняла правильно. Слегка улыбнулась, поблагодарила меня, зашла первой, сразу же уселась за стол спиной к крохотному окошечку, выходящему на улицу, а лицом ко мне. Махнула рукой:

– Ну что же вы, Штефан, заходите, присаживайтесь.

Убранство светлого рабочего кабинета состояло из небольшого письменного стола, деревянного стула, на котором сейчас сидела Алена, другого стула для посетителя, находившегося напротив нее. Справа стоял небольшой диванчик из бежевой кожи, за ним шел шкафчик для одежды, с правой стороны до потолка шла витрина книжного шкафа, из разноцветия обложек книг выделялись томики запрещенных в Рейхе Достоевского, Чехова, Толстого, Ремарка.

За Аленой, под окном стоял запотевший кулер с водой, далее стоял небольшой столик из черного дерева с шуфлядками, на котором покоился монументальный кофейный аппарат, рядом с ним, на подносе приютились одна вазочка с сушеными фруктами, вторая с малюсенькими чайными печеньями из песочного теста и еще одна вазочка, в которой горкой лежали шоколадные конфеты. «Так вот твоя слабая сторона, женщина-кремень!» – подумал я. – Ты, Алена, самая настоящая сладкоежка». Алена перехватила мой взгляд.

– Кофе или чаю? – поинтересовалась она.

– Если можно, то кофе. И, если можно, желательно капучино.

– Конечно, можно, – опять улыбнулась она. – А я, пожалуй, чаю попью. Вы присаживайтесь смелее, я сейчас.

Она встала и начала колдовать возле кофейного столика. Я же переключил все свое внимание на книжную витрину, чтобы ненароком не засмотреться на тонкую, как тростинка, фигурку Алены, на ее небольшую, но тугую попку, осиную талию, понимая, если она заметит мой взгляд, а она заметит его обязательно, в этом я был почему-то на сто процентов уверен, то этим самым я мог спровоцировать новую порцию колкостей в свой адрес. А этого мне совсем не хотелось, потому что нанести неожиданный, болезненный, колющий укол словом, как острым, заточенным кинжалом, у Алены слишком хорошо получалось. В книжном шкафу я увидел не только классику мировой литературы, но и множество научных трудов по философии, психологии, гипнозу, а также даже по эзотерике, и что не менее удивительно – по теологии. Крайне разносторонний интерес у девушки. По комнате поплыл волшебно-восхитительный аромат дорогого кофе, который, переплетаясь, смешивался с ароматом черного чая с чабрецом и мятой.

– На что вы засмотрелись? – спросила Алена, расстилая на столе две кружевные салфетки передо мной и перед собой, раскладывая приборы, ставя на салфетки большие дымящиеся кружки с блюдцами, расписанные затейливым голубым узором. На стол также были выставлены заветные вазочки с конфетами, печеньем, сухофруктами, а также креманки с медом и вареньем. Это была такая картина, такой натюрморт, что Павел Иванович Бабенко отдыхает, а ведь он считается непревзойденным королем натюрморта – короче, кто не любит сладкое, тот не поймет. У меня сработал рефлекс Павлова, пошло обильное слюноотделение.

– Так на что вы засмотрелись, Штефан? – еще раз задала вопрос Алена. – Какая-то конкретная книга вас заинтересовала?

– Нет, не отдельная книга, а вообще обилие книг. Никогда так много не видел.

Здесь Штефан Дорн не соврал, он действительно никогда не видел так много книг сразу в одном месте. Он любил книги, но у бабушки, которая его воспитывала, библиотека была очень скромная, и ему приходилось довольствоваться электронными книгами. А вот для Яра Ковалеффа, что касается книг, это была неправда, у него домашняя библиотека была во много, много раз больше, богаче, во всяком случае, что касается художественной литературы. И я любил читать именно настоящие, а не электронные книги, перелистывая слегка пожелтевшие, с легким, незаметным простому глазу налетом пыли страницы, имеющие свой определенный, ни с чем не сравнимый запах. С первых строчек ты, забывая обо всем, погружался в атмосферу, созданную автором, вместе с главным героем переживая все невероятные приключения, выпавшие на его долю. Я очень хорошо помню, какое сильное впечатление на меня произвела первая прочитанная мной книга автора Даниеля Дефо «Робинзон Крузо».

– Ну что, налетайте, угощайтесь, Штефан, – пригласила меня Алена, сама присаживаясь за стол.

Я даже не знал, с чего начинать это пиршество. В начале глоток кофе, вот так, а сейчас пару вот этих вот крохотных печенюшек, чайную ложку густющего варенья из местной пряной вишни, еще глоток капучино. Какая вкуснотища! Я закрыл глаза от удовольствия.

– Скажите, а где вы служили?

Я настолько расслабился и ушел в нирвану, что Аленин вопрос застал меня врасплох, и я чуть было бодро не отрапортовал: «Четвертая бригада звездной пехоты, подразделение „Королевские кобры“». Слава богу, рот у меня был полностью набит сладким, что помешало мне необдуманно, сразу же выпалить свои личные данные, а глаза, как я уже говорил, были заблаговременно прикрыты от удовольствия, поэтому по ним Алена тоже не могла прочитать правильный ответ. «Какой ты кретин, герр Ковалефф!» – ругал я себя мысленно. – Кретин розовый и неприкрытый, сожрал сладкого, расслабился, забыв обо всем. За кусочек булочки чуть не лишили девственности дурочку. – Это я о себе. – А ты, Алена Бортко, опасная, и, видно, зараза еще та: видит, паренек отъехал, находясь в полном расслабоне, ну и на ему вопросик по теме, не в бровь, а в глаз!»

Я сам не рыбак, но слышал, чтобы поймать жирненького леща или линя, надо вначале хорошо прикормить его кашей, а вот когда этот паренек окончательно разомлеет от обилия пищи и ему захочется разнообразия в рационе, подсунуть ему под нос жирного, вкусного червяка, естественно, предварительно надетого на острозаточенный крючок. Лещ или линь, который посчитал, что достоин в этой жизни большего, потому что каша, как ему кажется, его уже окончательно достала и обрыдла, ведется на новый продукт, жадно заглатывая червяка, а далее следует искусная подсечка.

И вот когда он, такой тщательно очищенный от чешуи и выпотрошенный, хорошо прожаренный с двух сторон, весь в кляре, лежит на сковородке, тут-то к нему и нисходит озарение – ну на хрена тебе нужен был этот абсолютно не диетический червяк, кстати, не такой уж он и вкусный, ты же вел здоровый образ жизни, правильно питался кашкой тиной и тебе всего хватало.

Так со мной, как с покойным линем, попыталась поступить и Алена. Я слегка приоткрыл один глаз, посмотрев на Алену, она буквально впилась в меня взглядом, наблюдая за моей реакцией. Нет, дорогуша, подсечка не удалась, линь сорвался с крючка и плюхнулся обратно в пруд, придется тебе пока обойтись без улова.

– Я не служил в армии, – ответил я как можно спокойнее, после того как тщательно прожевал печенюшки с вареньицем, открыл второй глаз и потянулся за конфетками.

– Значит, не служили? – притворно вздохнула Алена, крутя в руках кружку с чаем.

Яр Ковалефф пропустил бы последнюю фразу мимо ушей, но Штефан Дорн – прямой, простой, рабочий парень, причем не очень хорошо относящийся к женщинам, – обозлился.

– С какой целью вы мне все время задаете один и тот же вопрос, но в разных вариациях?

– Вы, Штефан, зря кипятитесь, – сказала она мне. – А спортом каким-нибудь занимались?

– Нет, насколько мне известно, – раздраженно ответил я. – А какое это имеет значение?

– Значит, не занимались? – ответила Алена вопросом на вопрос.

Я не стал удостаивать ее повторным ответом.

– Видите ли, Штефан, мне интересно разобраться, понять, – сказала Алена, не спеша расставляя каждое свое слово, словно фигурки на шахматной доске. – Вас прислали сюда с совершенно определенными целями, и мы, преподаватели в разведшколе, получили насчет вас очень четкие инструкции. Нам здесь предстоит за месяц из вас, простого рабочего паренька, не имеющего никаких военных навыков и практических знаний, не бывавшего нигде, кроме лунных баз, слепить суперагента, способного выполнять очень ответственные поручения и решать самые сложные задачи в тылу врага. Причем обучение будет проходить не вместе со всеми другими курсантами разведшколы и не по обычному программному курсу, а по ускоренному и сверхсекретному. Согласитесь, задачка еще та.

Я согласно кивнул.

– Вот я и хочу разобраться, что же вы за фрукт такой – Штефан Дорн, и почему именно вы так нужны центру, и вообще, с чего нам здесь начинать.

– Начните с начала, – посоветовал я. – Учите меня, учите, я очень усидчивый и чрезвычайно талантливый молодой человек, – сказал я, раскрывая шуршащую обертку и отправляя в рот очередную шоколадную конфету.

– Ух и здоровы вы сладкое лопать, – почти восхищенно сказала Алена, наблюдая за моими активными действиями по уничтожению ее запасов сладкого.

– Если человек талантлив, то он талантлив во всем, – процитировал я одно из любимых выражений мамы. – В том числе и в поедании сладкого, – добавил уже от себя. – Но, если вам жалко… – Моя рука зависла на полпути к вазочке с сухофруктами.

– Нет, что вы, ни в коем случае, продолжайте, пожалуйста, кушайте на здоровье. Прошу вас, талантливый вы наш.

– А вы мне кофейку еще не нальете? – набрался я наглости.

– Почему же не налью, обязательно налью, – улыбнулась Алена.

Она, немного поколдовав возле кофейного аппарата, соорудила и передала мне еще одну чашку капучино с огромной белоснежной шапкой из молока, возвышавшейся над кружкой как шляпка гриба.

– Ну что же, давайте перейдем к делу, – сказала она. – Я познакомлю вас с распорядком в разведшколе и с нашими правилами, хоть вы человек и штатский, но я думаю, что должны понимать, что и то и другое вы должны принять и соблюдать неукоснительно.

– Конечно, понимаю, – ответил я, добивая остатки сухофруктов, не то чтобы я так уж хотел сладкого, тем более я уже вусмерть насластился, но дело в том, что я начал опасаться, что на какой-нибудь каверзный вопрос Алены посыплюсь и сболтну лишнего, а когда у тебя рот полон еды, ошибок легко избежать, и к тому же, пока жуешь, есть время обдумать и правильно сформулировать свой ответ. Как говорят мудрецы: «Иногда лучше жевать, чем говорить». Очень мудрое выражение и как никогда кстати в свете нашей беседы.

– Итак, – продолжила Алена, – разрешите еще раз представиться, майор госбезопасности и ваш личный куратор и инструктор Алена Бортко.

– Очень приятно, Штефан Дорн, бывший ремонтник лунной базы СТК 3, простой работяга, а в будущем суперагент, – сказал я, катая по дну вазочки остатки сухофруктов, собирая их в щепотку и отправляя себе в рот.

– Еще сладенького не желаете? – ехидно поинтересовалась Алена.

Я сделал удивленное лицо.

– Как, а разве у вас еще что-нибудь осталось?

– У меня почти неограниченные запасы сладкого, – сказала она с совершенно серьезным лицом, но ее карие глаза вовсю смеялись.

– Слово «почти», я так понимаю, здесь ключевое. Давайте лучше в следующий раз, а то боюсь у вас обо мне сложится не очень правильное впечатление, – в тон ей ответил я. – А кстати, вы сказали, что вы мой инструктор, ну и что вы мне будете преподавать?

– Основы психологии и гипноза.

– А как мне к вам обращаться?

– У нас при обращении друг к другу принято выражение «товарищ».

– Я понял, товарищ Алена.

– Нет, не поняли, – поморщилась она. – Так звучит слишком фамильярно.

– А как?

– Либо товарищ майор, либо, если мы находимся с вами в неформальной обстановке, можете меня звать Алена Викторовна.

– Хорошо, Алена Викторовна, а зачем мне нужно знать основы гипноза и психологии?

– Штефан, вам в будущем, после окончания разведшколы придется общаться с множеством различных людей, от которых вам нужно будет добиться не только личного расположения, но и выведывать всевозможные секретные сведения, которые те хранят у себя в голове и под страхом смерти, даже во сне заикаться бояться о них. Вы с первых секунд общения должны очаровать собеседника, произвести на него самое благоприятное впечатление, сломать плотину недоверия между вами, разгадать, что за человек, какой психотип находится перед вами, увидеть и почувствовать все его слабые и сильные стороны, подружиться с ним, сделать так, чтобы он вам безоговорочно доверял, как самому себе, и ни в коем случае не заподозрил вас в шпионаже. Для этого вам и понадобятся знания, которые я постараюсь вам передать.

– Что еще меня ждет?

– Еще вам за месяц придется научиться хорошо стрелять из всех видов оружия, изучить некоторые самые эффективные приемы рукопашного боя, овладеть холодным оружием. За это у нас отвечает преподаватель, старший лейтенант Любомир Милошевич. Далее искусство конспирации, слежки, перевоплощения вам будет преподавать Дмитрий Иосифович Раутбардт –

самый опытный и мудрый среди нас. Еще вам надо будет прослушать несколько курсов лекций по другим дисциплинам. Так что, как видите, работы у нас по горло, и начнем мы без предварительной подготовки – прямо сегодня. Что еще, Штефан, вы должны знать, поскольку, как я говорила вам ранее, ваша подготовка в нашей разведшколе будет проходить в обстановке строгой секретности, общение с другими курсантами школы должно быть полностью исключено – это делается для вашей в дальнейшем безопасности.

– И что это значит? – поинтересовался я.

– Самовольно, без приказа покинуть свою комнату вы не имеете права. Ваши занятия будут проходить один на один с инструкторами. Ни с кем, кроме них, вы видеться и общаться не будете. Ваше расписание дня составлено так, что завтракать, обедать и ужинать вы тоже будете один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.